

НАШИ ТАМ

МУЗЫКАНТ

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО
ВРАЩАЯ КОЛЕСО
САНСАРЫ

Музыкант

Геннадий Марченко

Вращая колесо Сансары

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Марченко Г. Б.

Вращая колесо Сансары / Г. Б. Марченко — «Центрполиграф»,
2018 — (Музыкант)

ISBN 978-5-227-08014-1

Егор Мальцев успевает не только играть в футбол и заниматься музыкой, но и решать проблемы на личном фронте. Однако всё же главная его цель — выступить на чемпионате мира по футболу 1966 года. Том самом, на котором сборная СССР сумела занять четвёртое место, самое высокое в своей истории. Но сможет ли наша команда, ведомая Егором Мальцевым, на этот раз удивить весь футбольный мир? Во всяком случае, герой приложит к этому максимум усилий.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08014-1

© Марченко Г. Б., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Геннадий Марченко

Вращая колесо Сансары

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Марченко Г. Б., 2018

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

В понедельник 23 мая в 9.43 утра, находясь далеко не в самом лучшем настроении, я переступил порог здания Моссовета на Тверской. Настроение не поднимал даже находящийся во внутреннем кармане пиджака свежий номер еженедельника «Футбол», на обложке которого красовался я с Кубком европейских чемпионов в руках.

– Мальцев Егор Дмитриевич, – хмуро кивнул я дежурному лейтенанту, сверявшемуся со списком приглашённых.

Впрочем, он меня и так узнал, вон как разулыбался. Либо футбольный фанат, либо музыкальный. Хотя моя физиономия в последние годы всем уже, наверное, примелькалась. И это только на газетных и журнальных полосах. А вдобавок какой-то кооператив начал клепать плакаты с изображением как меня отдельно, так и в составе моей группы, явно передрав их с конвертов пластинок. Причём как раз вышедших изначально в Англии, а затем по лицензии в СССР, о чём я узнал незадолго до отлёта на родину. Вполне вероятно, что некий процент с пластинок, а возможно, и плакатов даже капает мне в авторские. Ну если и нет – ничего страшного, переживём.

Не знаю, как в провинции, а в Москве, кстати, в моду стали входить сумки-пакеты с красочными картинками, как это было в 1970-80-е годы в моей прошлой жизни. Так дошло до того, что буквально вчера я узрел девицу с таким пакетом, и там тоже красовалась моя физиономия. Вот плоды всенародной славы!

– Вот здесь распишитесь, пожалуйста, – указал лейтенант, с виду чуть постарше меня. – Спасибо, проходите, второй этаж, зал заседаний.

Я появился впритык, в зале уже собрался народ, все, кто должен был принимать участие в грядущем фестивале. Участвовали, само собой, бесплатно, учитывая его благотворительный статус, а многие ведь наверняка от чистого сердца поддерживали цель акции – перевод собранных средств в помощь детям Африки.

– Егор, привет! – Кобзон крепко стиснул моё предплечье, широко улыбаясь.

Силён, чертяка, недаром в юности боксом занимался, теперь ещё, чего доброго, синяки останутся.

– О, смотрите, Егор Мальцев! – Это уже Магомаев оповестил всех присутствующих о моём появлении и тоже кинулся обнимать.

Следом потянулись остальные: Хиль, Миансарова, Бернес, Пьеха, Клемент... В общем, все, с кем мне довелось работать в качестве автора песен. Подошла и Кристалинская, до этого разговаривавшая с Клемент. Гуляев протянул свою крепкую ладонь, пророкотав сочным баритоном:

– Наслышаны, наслышаны! Сочту за честь лично познакомиться с юным дарованием.

Ведищева вежливо кивнула со своего места, Лундстрем приподнял брови. Шульженко и Зыкина, прервав беседу, скользнули по мне взглядом, а Утёсов и вовсе сделал вид, что ничего не произошло. Рознер и Гюлли Чохели о чём-то так увлечённо беседовали в дальнем углу зала, что их тоже моё появление не тронуло.

– Как ты? Что нового в Лондоне? Расскажи, как гол «Реалу» забил...

Вопросы сыпались один за другим, и, глядя на эти счастливые лица, моё настроение улучшалось. Если мне нагадила в душу какая-то чиновница, это ещё не повод, чтобы дуться на весь окружающий мир. Кстати, Фурцева тоже должна вроде бы заявиться на организационное собрание.

– Жаль, что финал Кубка чемпионов не показывали по телевидению, – подытожил Магомаев. – А я, если честно, из-за этого фестиваля гастролы по Средней Азии отменил. Представляешь, двенадцать городов за месяц, по три концерта в каждом городе.

– А что у вас, Муслим, с мюзиклом?

– Ты имеешь в виду музыкальный спектакль «Собор Парижской Богоматери»? Всё отлично, говорят, мы даже в Париж с ним поедem этим летом, сейчас идут переговоры с министерством культуры Франции. И пластинка с мюзиклом вышла, жаль, не догадался с собой захватить.

– Серьёзно?! Поздравляю! А ещё что нового?

– Второй диск у меня выходит на «Мелодии», а первый переиздан в Италии и Франции, там и твои песни есть. Ну, за Иосифом мне не угнаться, у него уже четвёртый альбом печатается.

– Какие твои годы, Муслим, – рассмеялся Кобзон. – Тем более у меня тоже два сольника, как у тебя, а на двух пластинках я представлен в сборнике.

– погоди, тогда я тебя опередил, получается! У меня-то три сборника и два сольника.

– Ну хватит вам тут... дисками меряться, – встрял Бернес. – Егор, давненько мы с тобой не виделись. Вижу, всё у тебя хорошо?

– Да вроде, Марк Наумович, пока не жалуемся. А вы как?

– Да и у нас потихоньку. Ты бы песню мне, что ли, какую написал, а то никто для меня, старика, писать не хочет.

– Это вы рано себя в старики записываете, в пятьдесят четыре года-то...

– А всё равно, чувствуется, что организм изношен. Сердечко пошаливает, печень лечу, а то бы пригласил тебя посидеть в том же «Арагви». Когда был там последний раз, Аркадий твоими успехами интересовался. Они твой репертуар исправно исполняют, даже на английском, случается, заказывают.

Потом я подошёл к скромно стоявшей в сторонке Клемент.

– О чём задумалась?

– Да дочка приболела, на мужа и маму оставила. Простыла где-то, вечно по лужам бегает, ноги мокрые, вот и насморк с кашлем... А ты, говорят, папой стал?

– Уже донесли? – не смог сдержать я улыбки.

– Не донесли, а рассказали, – тоже улыбнулась Лида. – Мальчик у вас, да? Как назвали?

– Лёшкой.

– Лёшей? Почему Лёшей?

– Ну... Хорошее имя, космонавта Леонова, например, так звали.

– Это который в космос два года назад вышел? Ну тогда понятно.

Леонов в этой реальности и вправду в открытый космос вышел на год раньше, чем в моей. И вообще наша космонавтика, похоже, прогрессировала чуть быстрее, нежели в жизни Лозового. Не помню, если честно, когда на Луну был доставлен первый луноход, но явно позже, чем сейчас: советский луноход «Мир-1» исследовал кратеры спутника Земли уже в конце прошлого года.

– Вечером, получается, на «Красную стрелу» и домой? – теперь задал вопрос я.

– Да, практически ночью уже.

– А где будешь кантоваться всё это время?

– Да сама пока не знаю. Так-то есть у меня в Москве подруга, но она в Сочи сейчас с семьёй...

– Так давай у нас перекантуешься, а потом я тебя на такси отвезу на вокзал.

– Ой, неудобно как-то. Ты же человек женатый, тем более у вас ребёнок маленький...

– Да ладно, не помешаешь, чай не на десяти квадратах ютимся, в трёхкомнатной жируем, – ухмыльнулся я. – Заодно и с женой моей познакомишься, да и ей с тобой приятно познакомиться будет. Только у меня в пятнадцать часов запись в программе «Клуб кинопутешествий», просили об Англии рассказать. Так что я тебя домой к нам закину и уеду на теле-

видение, а вернусь и вечером уже отвезу на вокзал. Кстати, по пути надо на рынок заехать и по магазинам пробежаться, жена тут мне написала, что купить нужно. Составишь компанию?

– Так уж и быть, – рассмеялась Лида, словно серебристые колокольчики рассыпались вокруг. – Делать-то всё равно нечего. А ты на машине, что ли?

– Не-а, в Москве пока не успел обзавестись, а в Лондоне есть, так что сегодня передвигаемся исключительно на такси, как буржуи.

– Товарищи, рассаживаемся! – дал команду какой-то лысоватый толстячок со сбитым набок галстуком, видно, из числа организаторов сегодняшнего сборища.

Все стали занимать места. Я предпочёл сесть в четвёртом ряду между Кристалинской и Хилем. После того как все расселись, открылась боковая дверь и оттуда цепочкой потянулись один за другим чиновники классического советского образца. Женщин, впрочем, было всего две – Фурцева и ещё какая-то дородная тётка. Министр культуры заняла место посередине длинного стола на возвышении, рядом с худощавым чиновником, чьё лицо мне показалось знакомым. Тонкий нос с горбинкой, очки, аккуратный пробор с проседью на правую сторону... Блин, явно знаю, кто это, а вот поди ж ты, вылетело из головы. Надо им подсказать, что в таких случаях можно ставить таблички с именами, а то сиди тут, гадай.

Именно с ним о чём-то пошепталась Фурцева, затем открыла принесённую с собой папку и принялась перебирать бумаги. Её сосед озирает зал с таким видом, будто он следователь, а перед ним подозреваемые в массовых грабежах и убийствах. Народ в зале сидит тихо, разве что Утёсов что-то вполголоса напевал.

– Эдуард, а кто это слева, рядом с Фурцевой? – наклонившись к Хилю, тихо спросил я.

– Ты что, Суслова не узнал?! – в ответ прошептал Эдик.

– А-а-а, это который главный идеолог...

– Ну да, он и есть, Михаил Андреевич Суслов, секретарь ЦК КПСС. А справа от Екатерины Алексеевны сидит председатель исполнительного комитета Моссовета Промыслов. А ещё правее...

– Понял, спасибо, дальше можно не продолжать.

Гляди-ка ты, и как я мог забыть такую фигуру, «серого кардинала» советской политики, к мнению которого всегда прислушивался Брежнев?! Помню, в моей реальности журнал Life как-то ехидно прошёлся по Суслову, назвав его «истинным советским арийцем» и сопроводив фото идеолога шутовской характеристикой: «Характер нордический, стойкий. В личной жизни аскетичен. Беспощаден к врагам СССР». Вероятно, в этой параллельной Вселенной он и не так силен, но всё равно заправляет идеологией, а в данном случае может рулить Фурцевой, как моряк парусом. И что из этого могу извлечь я, это мы ещё поглядим. Или, напротив, чем мне это может аукнуться? Во всяком случае, присутствие сегодня такой фигуры подчёркивает значимость грядущего мероприятия.

– Здравствуйте, товарищи, – не отрываясь от бумаг и не глядя в зал, вроде бы негромко произнесла Фурцева, но её все прекрасно слышали. Акустика, на мой музыкальный чуткий слух, здесь была неплохая. – Вы все знаете, зачем мы здесь собрались. – Она наконец подняла глаза в зал, мазнула взглядом по моему лицу. – На всякий случай напомним, что первого июня, в Международный день защиты детей, на Центральном стадионе имени Владимира Ильича Ленина пройдёт благотворительный фестиваль «Отдаю сердце детям Африки», и все собранные средства будут направлены в помощь голодающим детям Чёрного континента. Мероприятие более чем серьёзное, привлечены лучшие творческие силы страны, и не только музыкальные. Перед началом фестиваля и после его окончания планируется грандиозная хореографическая композиция с участием около трёх тысяч московских школьников. Здесь, кстати, присутствует режиссёр мероприятия Иосиф Михайлович Туманов, вот он, слева крайний, прошу любить и жаловать. Ну а сейчас я предоставляю слово моему заместителю, товарищу Баскакову Владимиру Евтихиановичу, он расскажет всё в деталях.

Ничего себе, ну и отчество! Язык сломаешь, пока выговоришь. Хотя вон Фурцева вроде ничего, справилась. Наверное, уже привыкла.

Баскаков уткнулся в бумаги и начал что-то бубнить себе под нос.

– Не слышно! – выкрикнул со своего места Утёсов.

Замминистра вздрогнул, прочистил горло и начал по новой, уже громче и даже, как показалось, с выражением.

– Микрофон, что ли, не могли поставить, деятели? – пробормотал сидевший рядом Хиль.

Баскаков по пунктам стал излагать, как будет проходить мероприятие. По причине трудовых будней начнётся фестиваль в 19.00 по московскому времени. Запланирована – о как! – прямая трансляция на Советский Союз и страны социалистического содружества. Хотя, как мне кажется, тем же венграм, чехословакам, румынам и прочей братии будет глубоко плевать на советских исполнителей. Ладно бы ещё «Апогей» с Адель выступили, не говоря уже о Битлах... До сих пор не пойму, с какого перепуга их не включили в состав исполнителей? Потому что «Апогей» поёт на английском, а Адель слишком сексапильна? Разве что зарубежные телезрители только на меня и моих ребят клюнут. Так моя группа тоже англоязычная, если что. Но уж меня-то не могли не допустить, учитывая, от кого исходила идея фестиваля, хотя её и извратили, страшно даже представить, что там будет за показуха с этими танцами школьников.

– Теперь с товарищем Мальцевым, – вывел меня из размышлений голос Баскакова. – Егор Дмитриевич, вы, как мы понимаем, будете выступать вместе со своим ансамблем... э-э-э... Sickie & Hammer?

– Совершенно верно, – откликнулся я со своего места, с трудом удержавшись, чтобы не прыснуть над невнятным произношением моей группы.

– А члены вашего ансамбля, я так понимаю, ещё не в Москве?

– Насколько я помню, Министерство культуры СССР приобрело им билеты на самолёт до столицы нашей Родины на тридцатое мая.

– Действительно, у меня же тут отмечено...

– Ну вот они и сидят на чемоданах, а тридцатого рано утром вылет, и днём они будут в Москве.

– Хорошо, вот тут у меня записано, что вы исполняете три композиции: I surrender, Stairway to Heaven и All you need is love.

– Всё верно. Я ещё указывал, что мне для одной из песен понадобится духовая секция. А по возможности и виолончелист.

– Да-да, есть такое. Духовиков вам, думаю, Леонид Осипович предоставит, это вы уже сами после обговорите, а насчёт виолончелиста подумаем... Так, с вами понятно. Кто у нас тут следующий по списку... Ага, товарищ Гуляев исполняет «Голубую тайгу» и «Обнимая небо». А вы, Клавдия Ивановна, выступаете следом, исполняете «Давай закурим» и «Три вальса».

Шульженко кивнула, отчего её высокая причёска качнулась вперёд-назад. Да-а, организаторы постарались начудить, устроили такую солянку...

– Дальше Людмила Зыкина... М-м-м, у вас, Людмила Георгиевна, «На побывку едет молодой моряк» и «Оренбургский пуховый платок». Следующим идёт Марк Наумович с песнями «Тёмная ночь» и «Шаланды, полные кефали» из кинофильма «Два бойца». Далее оркестр под управлением товарища Утёсова с песнями «Дорогие мои москвичи» и «Сердце, тебе не хочется покоя». Заканчивает наш фестиваль товарищ Кобзон с композициями «Белый свет» и «Не расстанусь с комсомолом».

Да чтоб вас, ну это прямо какой-то партийный концерт получается! Приятно, конечно, что закрываться фестиваль будет якобы моей песней, но всё же... Гимн Советского Союза, случайно, не планируется исполнять перед началом мероприятия? К счастью, выяснилось, что нет, до такого маразма организаторы не додумались.

– Может, у кого-то из присутствующих имеются вопросы? – спросил Суслов через сорок минут после начала заседания, когда вроде нам уже всё разжевали и в рот положили.

Вот какой чёрт меня за язык дёрнул? Я и Лозовым, случалось, высовывался к месту и не к месту, за что неоднократно получал «пряники», но, видно, жизнь так ничему и не научила. Как бы там ни было, я, словно школьник, вытянул руку и громко заявил:

– У меня вопросы!

– У вас? Что ж, товарищ...

– Мальцев, – негромко подсказала ему Фурцева, неприязненно покосившись в мою сторону.

– Что ж, товарищ Мальцев, спрашивайте. Можете с места, либо добро пожаловать на трибуну.

Трибуна здесь и вправду имелаась, с наполовину наполненным водой графином и чистым стаканом, всё как положено. Чувствуя, что я совсем уже берега теряю, но с непреклонной, как мне казалось, решимостью на лице я отправился к трибуне.

– Ещё раз здравствуйте, и если кто-то со мной по какой-то причине незнаком – меня зовут Егор Мальцев, – представился я.

– Да знаем мы тебя, знаем, – синхронно раздались голоса Магомаева, Кобзона и Хиля.

– Замечательно... Итак, уважаемые товарищи, у меня по поводу предстоящего фестиваля есть несколько вопросов. Недавно в телефонном разговоре Екатерина Алексеевна ссылалась на некую комиссию по культуре при ЦК КПСС, якобы составляющую список участников мероприятия, который затем был подписан товарищем Шелепиным. Я ничего не имею ни против Иосифа Давыдовыча, ни против Клавдии Ивановны, ни против Леонида Осиповича... Пожалуйста, пусть будут все, кто присутствует в этом списке. Но возникает резонный вопрос: почему в состав выступающих не внесены певица Адель и группа «Апогей»? То есть исполнители, чьи пластинки в Советском Союзе расходятся чуть ли не миллионными тиражами. Тем более это странно на фоне того, что билеты на фестиваль раскупаются, мягко говоря, со скрипом. А окажись на афишах имена Адель и группы «Апогей», уверен, молодёжь смела бы их за один день. Есть в зале представитель этой самой комиссии? Сможет он ответить на вопрос?

На несколько секунд в зале воцарилась такая тишина, что я услышал биение собственного сердца. Присутствующие однозначно впали в прострацию после такого спича, включая сидевших за столом. Я покосился на Фурцеву, та была бледна, как смерть, только желваки ходили под пергаментной кожей. Суслов, напротив, выглядел невозмутимо и при этом сверлил меня взглядом, от которого хотелось спрятаться за трибуну. Но я стоически выдержал этот взгляд.

– Екатерина Алексеевна, думаю, этот вопрос скорее вам адресован, потому что из комиссии сегодня здесь, как я догадываюсь, никто не присутствует, – сказал главный идеолог страны.

– Вы правы, Михаил Андреевич. Что ж, я отвечу... Список выступающих, Егор Дмитриевич, составлялся с учётом пожеланий советских граждан. Комиссия ориентировалась на письма, приходящие на радио и телевидение, а также к нам, в Министерство культуры СССР.

– То есть вы хотите сказать, что «Апогей» и Адель, собирающие полные залы, видеть среди участников фестиваля никто не захотел? – поинтересовался я. – И даже всемирно известную группу The Beatles, которая, как я упоминал в своём письме на ваш адрес, готова была приехать в Советский Союз?

– Да, на Битлов я бы посмотрел... – негромко, но отчётливо протянул Магомаев. – А уж стоять с ними на одной сцене... Эх, мечты, мечты...

– Слышал я об этом коллективе, они там, на Западе, вроде как целые стадионы собирают и перед сильными мира сего выступают, – снова вклинился Суслов. – Но каков их репертуар?

– Нормальный репертуар, Михаил Андреевич, и о любви поют, и о социальном неравенстве, и о перекосах буржуазного мира. А их лидер Джон Леннон мне в открытую признавался

в своих симпатиях к СССР. И после того, как я наобещал им выступление в Союзе, такое вот отношение к симпатизирующим нам музыкантам...

А я ведь, действительно, можно сказать, наобещал. Буквально перед получением списка выступающих мы созвонились с Джоном, я и обмолвился, что фестиваль в Союзе обретает реальные очертания. Тот же заявил, мол, что они в последние месяцы немного отошли от концертной деятельности, пресытившись гастрольями, и засели в студии на Эбби-Роуд. Так что их график не сильно пострадал бы, выползи они из своей норы на пару-тройку дней в СССР. Опять же, впечатления, кто ещё из западных музыкантов первой величины выступал на советской сцене? Прорыв железного занавеса, как говорили в годы моей молодости, хотя сейчас занавес, пожалуй, был не такой уж и железный.

– Екатерина Алексеевна, вы-то что скажете? – обернулся к соседке Суслов.

Та выглядела немного растерянной, видно, не ожидала от меня такой эскапады.

– У нас всё согласовано, времени до фестиваля остаётся всего неделя, и что-то менять, я уверена, нецелесообразно, – проблеяла она, умудряясь при этом жечь меня холодным огнём своих глаз. Но я держался, не показывая, что мне очень даже сейчас не по себе.

– Можно я скажу? – привстал Утёсов. – Только я с места.

– Да, конечно, Леонид Осипович, – благосклонно разрешил Суслов.

– По мне, так этот молодой человек говорит всё верно. Я тоже в курсе, что билеты расходятся ни шатко ни валко. В какой-то мере нам, представителям эстрады старшего поколения, это неприятно, но нужно уметь смотреть правде в глаза... Привлечь молодёжную аудиторию могут как раз те исполнители, о которых упоминал Егор. И за оставшиеся дни, наверное, нужно что-то предпринять, чтобы спасти ситуацию. Можно, конечно, нагнать в организованном порядке школьников, хотя время концерта не совсем детское, или устроить принудительную продажу билетов на предприятиях под угрозой выговора, но согласитесь, всё это будет показуха, как принято говорить в некоторых кругах. Зачем нам позориться на весь мир?

Вот уж не ожидал, что Утёсов встанет на мою сторону. Мне он, напротив, казался таким самовлюблённым старпёром, посматривавшим на молодых музыкантов свысока. Да и по воспоминаниям тех, кто его хорошо знал – мне самому, будучи Лозовым, не довелось близко сойтись с Леонидом Осиповичем, – старик был весьма вредным. Но сейчас он явно играл на моей стороне. Для Фурцевой такой выпад знаменитого артиста стал своего рода надгробной плитой. Она разом сникла. Суслов же, напротив, выглядел совершенно спокойным.

– Что ж, товарищи, – сказал он, поправив очки, – я вижу, у нас тут сложилась любопытная ситуация, столкновение, скажем так, полярных мнений. И сейчас решить этот вопрос с кондачка вряд ли получится. Согласен, времени мало, но всё же нам нужен хотя бы день, чтобы прийти к какому-то решению. Вы согласны, Екатерина Алексеевна?

– Что? А, да, конечно, – засуетилась министр культуры.

– Ну и хорошо. Тогда все можете быть свободны, работайте по утверждённому плану, а мы с товарищем Фурцевой и другими товарищами ещё посидим, подумаем, как нам быть с фестивалем... Вы тоже свободны, товарищ Мальцев.

На выходе из зала меня тормознул Утёсов:

– Егор, духовая секция, говоришь, нужна?

– Ага, парочка ребят с тромбонами пришлась бы кстати.

– Обеспечим. У тебя когда первая репетиция, а то я что-то прослушал?

– Первая – тридцатого мая, в ДК «Красный Октябрь» на Вишнёвой, в семь вечера. На следующий день, если я правильно понял Баскакова, там же в двенадцать часов начнётся генеральная.

– Что ж, подгоню пару тромбонистов тридцатого к семи.

Не успели мы попрощаться, как рядом нарисовался Магомаев.

– Ну ты молодец, врезал министерше так, что даже мне стало не по себе, – похвалил меня Муслим. – А ты что, правда, с Битлами договорился?

– Ага, с Джоном Ленноном, мы с ним как-то более-менее сошлись, – ответил я, кивая ожидавшей меня неподалеку Клемент.

– Ого, ну ты вообще зверь! Давай стой на своём, вези их к нам, хочется вживую на этих ребят посмотреть, чем они так хороши, что целые стадионы собирают.

– Если привезу, познакомишься с ними лично... Кстати, не знаешь, с чего Фурцева на меня так ополчилась?

– Да она вообще в последнее время малость не в себе, после того, как дочку с того света еле вытащили.

– В смысле?

– Так вены резала, вроде из-за несчастной любви, это при живом-то муже. Семья министра пример должна подавать, а у неё вон какой бедлам творится.

– А... это... – У меня во рту тут же пересохло, я кое-как сглотнул, прежде чем продолжить: – Из-за кого она вены-то резала, неизвестно?

– Да кто ж знает? Ну уж, наверное, не из-за нас с тобой.

Блин, вот тут я, пожалуй, поспорил бы. Потому что, если всё-таки из-за меня, то кое-какие детали этого пазла вставляли на свои места...

Явление домой меня, загруженного продуктами, вместе с Лидой Клемент стало для супруги неожиданностью.

– Ой, я же не одета, – засуетилась она, запахивая свой тонкий халатик.

– Да ладно, чай не комиссия партконтроля пришла. Знакомься, это Лида Клемент, ты вообще-то её должна знать. А это моя супруга Елена.

– Привет!

– Здравсти...

– Ну вот и познакомились! Лида побудет у нас до вечера, если ты не против, а вечером я отвезу её на вокзал, посажу на «Красную стрелу». Ей просто перекантоваться негде до отъезда в Питер. Леночка, покорми, будь другом, гостью, а мне уже нужно на телевидение ехать.

– Да я не голодна, Егор...

– Ещё как голодна! Последний раз нормально дома небось ела, ещё вчера? То-то и оно. Ленчик, накорми её так, чтобы она из-за стола еле выбралась. А я до вечера поговорю, аппетит нагуляю, некогда мне уже.

– Будет исполнено, мон генераль, – шутливо козырнула супруга. – Лида, пойдёмте на кухню, я как раз борщ сварила, а ещё блины с утра напекла, накормлю вас до отвала.

– Ой, да я не хочу есть...

– Нет уж, от Елены Мальцевой голодным ещё никто не уходил! Так что милости прошу на кухню!..

На телевидение я приехал за час до начала записи программы. Гримёр привела меня в божеский вид, хотя, как по мне, я и так выглядел ничего. За кулисами столкнулся с Василием Шукшиным, тот тоже сегодня был гостем «Кинопанорамы». Его фильм «Живёт такой парень» вышел пару лет назад, рассказы и повести публиковались в ведущих журналах страны, неудивительно, что Василий Макарович стал гостем популярной телепередачи. Шукшин предложил обращаться к нему по имени и вообще для удобства перейти на «ты». Поболтали, благо в запасе имелось немного времени. Шукшин рассказал о своих планах, я поделился своими. Шукшин мне и раньше imponировал, жаль, что так рано ушёл из жизни, и при личном знакомстве положительное мнение о нём только укрепилось. Классный мужик, простой, но с характерной крестьянской хитрецей, и этот его знаменитый прищур...

Наконец меня препроводили в студию, усадили за стол напротив ведущего «Клуба кинопутешественников» Владимира Шнейдерова, с которым мы обменялись приветствиями. На мне сошлись объективы нескольких камер и лучи софитов.

– Егор Дмитриевич, надеюсь, вы подготовили какой-никакой спич? – поинтересовался Владимир Адольфович.

– Ну мы же договаривались, что это будет своего рода интервью, вопрос-ответ. Вы будете спрашивать, я – отвечать. А уж нескромных вопросов, надеюсь, не последует. Хотя если нужно, я могу ответить на практически любой вопрос.

– Нет-нет, что вы, – улыбнулся Шнейдеров. – Всё будет в рамках приличия.

Действительно, разговор получился вполне пристойным, но в то же время собеседник так строил беседу, что ответы на вопросы получались разнообразными и интересными. Тем более что и мне было что рассказать о Лондоне, Англии и Брюсселе, хотя футбола мы коснулись мимоходом. Да и музыкальной темы тоже, раз уж речь шла о путешествиях. Я же, будучи личностью разносторонней, осмотрел почти все достопримечательности Лондона, привёз с собой кучу снимков, которые оператор снимал крупным планом. Причём снимки были уже цветные, а вот передача всё ещё чёрно-белой, так что весь колорит передать не удалось.

Интересно, думалось мне, не поменяйся политика партии в чуть более либеральную сторону, разрешили бы мне вот так сидеть в студии одной из самых популярных телепрограмм и рассказывать о лондонской жизни? Хотя справедливости ради нужно отметить, что в рассказе о бытовухе и прочем я осветил не только положительные, но и отрицательные стороны жизни за границей, которых тоже хватало. Если уж быть объективным, то до конца.

– Когда теперь покажут меня, любимого? – спросил я на прощание у Шнейдерова.

– В это воскресенье и покажем, чего тянуть-то. Как раз накануне вашего музыкального фестиваля.

– У меня к вам один вопрос, Владимир Адольфович...

– Слушаю внимательно, юноша.

– Как мне найти Элеонору Беляеву или кого-то из её непосредственного руководства?

– Элечку? Так вам повезло, она сейчас в соседней студии как раз должна записывать программу. Лизочка, не считите за труд, проводите, пожалуйста, молодого человека к Элеоноре Валериановне...

Но сразу торкнуться к телеведущей не удалось. Освободилась она минут через двадцать. Выйдя в коридор и увидев меня, улыбнулась:

– А я вас узнала, вы – Егор Мальцев!

Я открыл портфель и извлёк из него бобину с записью нашего выступления на ВВС. Протянул Беляевой.

– Что это?

– Это, Элеонора Валериановна, копия студийного выступления моей группы в студии телеканала ВВС. Скажу честно, копию мне сделали тайком от местного телевизионного руководства. Я подумал, что что-то из этого можно позаимствовать для вашей программы, сделать, может, какие-то нарезки. У вас же в финале программы идёт ролик с популярной музыкой? Ну вот, может, и наше творчество вас заинтересует.

– Спасибо, Егор, ваше творчество меня давно интересует, особенно в составе трио «НасТроение». Но и англоязычные песни довольно симпатичны, я с удовольствием сама смотрела ваше выступление на фестивале в Лондоне... Знаете что, давайте я у вас заберу эту запись и покажу её главному редактору музыкальных программ Центрального телевидения. Если он одобрит, сюжет или несколько сюжетов пройдут в эфире. Плохо, конечно, что это не лицензионная запись, но... – она вздохнула, – как говорится, не в первый и не в последний раз...

Приехал я домой голодным как волк, но не успел сбросить ботинки, как Ленка огоршила:

– Егор, тебе звонили из приёмной товарища Суслова. Просили завтра по возможности приехать на приём к 11 часам, с паспортом. Адрес я записала...

М-да, приплыли! Что ж это от меня понадобилось главному идеологу СССР? Вот и думай, то ли по головке погладят, то ли ремнём по... Хочется верить, что всё же первое.

Глава 2

Дом номер 4 на Старой площади впустил меня в своё чрево, словно кит из библейской мифологии, поглотивший Иону. Правда, Иона молился в чреве кита трое суток, прежде чем морское млекопитающее извергло его из себя, я же надеялся, что выберусь из этого дома в более сжатые сроки.

– Кабинет номер два, пятый этаж, лифт налево, – козырнул майор, возвращая мне паспорт.

Полы в здании были устланы красными ковровыми дорожками, по которым изредка проходили чиновники в строгих деловых костюмах. По одной из таких дорожек я и добрёл до кабинета номер 2, вернее, до приёмной этого самого кабинета, в которой меня встретила немолодая женщина, строго глянувшая на меня поверх очков.

– Товарищ Мальцев? Всё верно, вам назначено на одиннадцать часов. Время – без пяти минут, присядьте пока. Михаил Андреевич любит точность.

– Точность – вежливость королей, – решил я блеснуть эрудицией, но секретарша моё остроумие проигнорировала, вернувшись к своим бумагам.

Ровно через пять минут она прервала работу и нажала кнопку селектора:

– Михаил Андреевич, к вам товарищ Мальцев.

– Пусть заходит, – прошуршало в динамике, и секретарша, снова глянув на меня поверх очков, кивнула на двери.

Будучи атеистом, я всё же мысленно перекрестился, прежде чем переступить порог кабинета. Ух ты, какой здесь сухой и жаркий воздух, почти пустыня. Хотя, учитывая мифическую боязнь Суслова сырости, немудрено, что ему здесь создали такой микроклимат при помощи неслышно работающих обогревателей и вентиляции. Небось и знаменитые калоши где-нибудь в шкафу стоят, дожидаются осенней слякоти.

Убранство кабинета выглядело, можно сказать, спартанским. Куда до тех шика и блеска, которые довелось видеть Алексею Лозовому в кабинетах намного более мелких начальников в постперестроечные времена. Так что Суслов, по сравнению с чинушами и тем более бизнесменами конца XX – начала XXI века, выглядел настоящим аскетом.

Напротив входа – стол, за которым на скромном кресле, больше похожим на стул с мягкой обивкой, выпрямив спину, сидел хозяин кабинета. Взгляд поверх очков точно такой же, как у его секретарши, они тут по одному архетипу, что ли, подобраны? Костюмчик на Суслове явно не из бутика, заметны даже лёгкие потёртости на локтях, но в целом всё чистенько и отутюжено.

На столе – позавчерашний номер «Комсомолки» с моим интервью, причём (вероятно, сделано это было преднамеренно) газета оказалась раскрыта как раз на том самом развороте, и я увидел фото со своей счастливой физиономией.

Сзади Михаила Андреевича на стене – портрет Ленина. Чуть левее – Шелепина. На правой стене рядышком друг с другом висели два «неразлучника» – Маркс и Энгельс. Книжный шкаф забит собраниями сочинений «кого надо». Ни цветов тебе, ни картин, ни мягких диванов... Разве что выполненный из яшмы красивый письменный прибор с чернильницей с золочёной надписью: «Товарищу Суслову М. А. от мастеров Колывани». Таким и черепушку разбить можно при желании. Надеюсь, моя голова сегодня не пострадает, хотя кто знает, что на уме у этих «небожителей».

– Здравствуй, товарищ Мальцев, – приподнялся Суслов, протягивая мне свою сухопарую руку. – Присаживайтесь. Чай, кофе? Сигарет не предлагаю, учитывая ваше спортивное настоящее. Я, признаться, и сам не курю, и наш ЦК пытаюсь отучить. Но, сами понимаете, многие из членов Центрального Комитета – фронтовики, а фронтовые привычки так просто не искоренить.

– Спасибо, можно зелёный чай с лимоном, если есть, конечно.

– Есть и зелёный, я сам его уважаю, причём из дружественного нам Китая. Говорят, полезен очень.

Хе, удивил! Надо было из Англии чайку привезти, сам бы его угостил.

Дав указания секретарше, Михаил Андреевич кивнул на разворот «Комсомолки».

– Читал, довольно интересное интервью. Мне вот как-то не довелось лично пообщаться с английской королевой. Как она вам показалась?

– Как женщина или как королева? – на всякий случай уточнил я с самым серьёзным выражением на лице.

– А вы шутник, Егор Дмитриевич, – хмыкнул Суслов и снова посерьёзnel. – Солдатов мне рассказывал, что на приёме в Букингемском дворце вы держались достойно.

– Так ведь старался не уронить честь советского спорта, Михаил Андреевич.

– Я в курсе, что вам это удаётся, вы же теперь ведущий игрок команды, выигравшей... э-э-э...

– Кубок европейских чемпионов, – подсказал я.

– Ну да, точно. Я-то футболом никогда особенно не интересовался, но благодаря вашим успехам стал почитать спортивную периодику... А, вот и чай. Спасибо, Вера Алексеевна.

Секретарша поставила на стол две чашки с блюдами с дымящимся пахучим напитком, вазочку с сахаром, розетку с вишневым вареньем и небольшие тарелочки с печеньем и конфетами и удалилась.

– Угощайтесь, – пригласил Суслов и положил в свою чашку две ложечки варенья.

Я последовал его примеру.

Только я отхлебнул чая, как главный идеолог страны, непотопляемый ни при Сталине, ни при Хрущёве, ни при Шелепине, заявил:

– Я ознакомился с вашей необычной биографией, товарищ Мальцев. – Он посмотрел на меня, видимо ожидая какой-то реакции, но я с невозмутимым видом продолжал пить чай. Тогда Суслов продолжил: – Весьма неожиданный взлёт. Обычная дворовая шпана, и вдруг за какие-то год-два – всесоюзно известный персонаж. Такие таланты и в музыке, и в спорте... А что, вас действительно ударило током?

– Было такое, – нехотя подтвердил я, думая, кто из друзей прежнего Мальцева проболтался.

– И после этого в вас и открылись эти самые таланты?

– Не знаю, может, совпало, а может, и в самом деле удар током послужил катализатором пробуждения моих способностей.

– Катализатором, – медленно повторил Суслов, будто катая слово во рту, и неожиданно спросил: – Товарищ Мальцев, что у вас было с дочерью Фурцевой? Только не врете.

Опаньки, вот это поворот! Это он что же, пригласил меня поговорить насчёт моей личной жизни?

Понятно, что я замешкался, но промедление могло вызвать у него подозрение в моей искренности, поэтому я решил с ответом не тянуть.

– Ничего не было, Михаил Андреевич, – сказал я, испытывая непреодолимое желание добавить: «Мамой клянусь!»

– А из-за кого она вены себе резала? Об этом сейчас вся Москва говорит, и вы наверняка слышали.

– Ну да, вчера услышал... от знакомого. Но почему вы решили, что я как-то связан с попыткой суицида Светланы Фурцевой?

– Но вы же не отрицаете факт вашего знакомства?

Всё это начинало походить на дешёвую пародию допроса у следователя. Осталось направить мне в глаза лампу, чтобы добиться полной аутентичности.

– Да, мы знакомы, но между нами ничего не было, и вообще я её не видел... почти год, с того самого банкета после товарищеского матча сборных Советского Союза и Бразилии.

– Но в тот раз вы вместе отлучались из банкетного зала.

– Михаил Андреевич, Светлана попросила меня проводить её до уборной. Я не мог отказать женщине, которая после выпитого не совсем твёрдо держалась на ногах. Проводил – этим всё и ограничилось.

– А вот некоторым бразильским товарищам показалось, будто они помешали вам в уборной своим появлением. Якобы и ваш вид, и вид Светланы говорили о том, что вас едва не застали за чем-то непотребным.

Вот блин, это кто же настучал-то? Манга и Флавио там точно были, ещё переводчик... Может, он и стукнул? Теперь поди разберись... Однако придётся как-то выкручиваться, на фиг мне не нужны проблемы с семейством Фурцевых.

– Не знаю, Михаил Андреевич, что там кому показалось, но ничего у нас со Светланой там не было, – с нажимом на последние слова произнёс я.

– Ну хорошо, – неожиданно легко согласился Суслов, – в конце концов, это ваши дела, хотя, на будущее, прежде чем вляпаться во что-то такое, хорошенько всё взвесьте. Зачастую личное пересекается с государственным... А теперь о делах, так сказать, насущных. Я вчера в какой-то мере неожиданно для себя стал свидетелем бурной дискуссии относительно грядущего музыкального мероприятия. Если точнее, то спора между вами и Екатериной Алексеевной. Проведение фестиваля я практически полностью доверил товарищу Фурцевой, поэтому ваши дебаты открыли мне глаза на кое-какие вещи. Действительно, фестиваль задумывался прежде всего как молодёжное мероприятие, но, ознакомившись со списком исполнителей, соглашусь, что та же Клавдия Ивановна, при всём моём к ней уважении, с такого рода репертуаром не привлечёт на трибуны достаточное количество молодёжи. Что же касается ваших протестов – ансамбля «Апогей» и певицы Адель, – не скажу, что их творчество приводит меня в восторг, хотя до недавнего времени я был не очень-то с ним и знаком. Но и я, знаете ли, стараюсь не смешивать личное с общественным. Мало ли что мне не нравится... Вы согласны со мной, товарищ Мальцев?

– Само собой, Михаил Андреевич. Идеология социализма как раз и пропагандирует идею – общественное выше личного. А после тысяча девятьсот семнадцатого это практически узаконено.

– Хм, а вы с трудами Владимира Ильича незнакомы? Что-то знаете о марксизме-ленинизме?

– Не буду вас обманывать, близко с этими учениями незнаком, но надеюсь когда-нибудь восполнить данный пробел.

– Что ж, похвальное желание.

Я невольно поднял глаза на портрет Ленина, затем перевёл взгляд на висевшее рядом изображение Шелепина. Показалось, что Первый секретарь ЦК КПСС мне заговорщически подмигнул, и я не сдержал ухмылки.

– Кому это вы там улыбаетесь за моей спиной? – подозрительно поинтересовался Суслов.

Он обернулся на стену, тоже глянул на портрет Шелепина, глубокомысленно хмыкнул, будто был в курсе какой-то тайны, и снова повернулся ко мне.

– Так вот, после организационного собрания мы пообщались с товарищем Фурцевой, она согласилась, что реализация билетов идёт не столь хорошими темпами, как предполагалось. На сегодняшний день, по самой свежей информации, продано всего 28 тысяч билетов, тогда как планировалось собрать 100-тысячный стадион. При этом, как ни печально, примерно половина из уже проданных билетов была реализована на предприятиях... Надеюсь, информация не покинет этих стен?

– Можете не сомневаться, Михаил Андреевич.

– Вчера уже за полночь я закончил знакомиться с экстренно собранной информацией по ансамблю «Апогей», певице Адель, а также коллективу The Beatles, о которых вы упоминали в своей речи на собрании. Что ж, действительно, популярность их не в пример выше, чем у оркестра Утёсова или Марка Бернеса...

– Или Шульженко, – вставил я.

– Да, и Шульженко тоже. При этом творческие работы «Апогея» и Адель получили одобрение художественных советов, так что в плане идеологии, как я понимаю, там придрататься особо не к чему... А что, этот... Джон Леннон и впрямь высказывался с симпатией о Советском Союзе?

– Так и есть, ему импонируют некоторые аспекты социалистического строя. Равенство, братство, мир без бедных и богатых... Ну и желание посмотреть лично, как живут советские люди, тоже не на последнем месте.

– А остальные музыканты коллектива? Как они относятся к СССР?

– Я с ними не так плотно общался, но во всяком случае никакой агрессии или негатива в адрес нашей страны они не высказывали.

Что ж... – Суслов задумался, потирая подбородок. Затем снял очки, протёр линзы носовым платком. Снова водрузил на нос. Вдохнул и посмотрел мне в глаза. – Товарищ Мальцев, «Апогей» и Адель в курсе, что вы хотели бы их видеть в составе участников фестиваля? Они смогут подготовиться в сжатые сроки?

– Мы общались по телефону после моего приезда в Москву, и ребята из «Апогея», и Адель с радостью выступили бы на фестивале. Гастроли у ансамбля закончились неделю назад, а у Адель, напротив, в середине июня турне по Белоруссии. Так что окно есть и желание.

– Ну, тогда звоните им и обрадуйте новостью, что они в числе участников фестиваля.

Я на секунду завис, после чего прочистил горло:

– Я могу идти?

– Нет, не можете. Потому что звонить вам придётся прямо отсюда. Результат хотелось бы знать прямо сейчас, чтобы, не откладывая, дать соответствующие распоряжения товарищу Фурцевой. Так что звоните, не стесняйтесь. Или вы номера не помните?

– Да нет, помню, вернее, у меня с собой записная книжка с номерами.

– Вот телефон, звоните.

Я обошёл стол, чтобы добраться до примыкавшей к нему тумбочки с телефонными аппаратами, достал записную книжку и принялся звонить сначала Михе. Его дома не было, трубку взяла его мать, с которой я учтиво поздоровался и попросил передать, что «Апогей» будет выступать на фестивале. Это вызвало у собеседницы лёгкий шок, который чувствовался даже через телефонный провод.

– Конечно, конечно, – потом поспешно отозвалась мама лидера группы «Апогей». – Я уверена, что и он, и ребята будут только рады.

– Тогда пусть мне перезвонит вечером, мы утрясём кое-какие организационные вопросы.

Затем настал черёд Адель. Трубку тоже подняла мама, но Ольга находилась рядом, так что пообщался с ней. Тут тоже вопросов не возникло, и тоже договорились, что вечером я ей сообщу, где и во сколько генеральная репетиция мероприятия.

– А с The Beatles как быть? – спросил я, опустив трубку.

– Есть их номер?

– Да, домашний Джона есть. Лондонский, туда из Ливерпуля перебралась его семья.

– Вот и звоните. Скажите этому Джону, что билеты мы им обеспечим через наше консульство в Лондоне и хорошие номера забронируем в лучшей московской гостинице. Только я сначала сам поговорю с дежурным на коммутаторе, а то у нас так запросто за границу не позвонить, всё же контролируется, сами понимаете, – говорил Сулов, крутя диск аппарата. –

Алло, это Суслов, Михаил Андреевич. Товарищ Козлов? Добрый день. Товарищ Козлов, сейчас от меня будет звонок в Лондон, вы уж соедините товарища с адресатом, у него важный разговор. Спасибо... Егор Дмитриевич, продиктуйте номер... Та-а-ак... Ага, пошли гудки, держите трубку.

Я взял у Суслова трубку, приложил мембрану к уху. Гудки всё шли. Наконец что-то щёлкнуло, и на том конце провода по-английски (хотя ответь мне на другом языке, я бы искренне удивился) сказали:

– Да, это дом мистера и миссис Леннон.

– Синтия, добрый день, это Егор Мэлтсэфф, из Москвы звоню.

– О, Егор! Из Москвы! Здравствуй! Мне Джон о вас рассказывал...

– Надеюсь, только хорошее, – улыбнулся я, будто моя собеседница могла видеть выражение моего лица. – Синтия, а Джона нет поблизости?

– Ох, он сейчас на студии, на Эбби-Роуд, они там даже ночевали, я его уже два дня почти не видела.

– Чёрт... Синтия, а как туда позвонить? У меня был телефон, но я его, похоже, в лондонской квартире оставил.

– Записывайте, мистер Мэлтсэфф...

– Секундочку, – сказал я и по-русски обратился к Суслову: – Михаил Андреевич, карандашка не найдётся? Спасибо. – И снова по-английски: – Говорите, Синтия.

До Битлов я всё же дозвонился. К трубке по моей просьбе пригласили Леннона, который, судя по голосу, искренне обрадовался моему звонку.

– Что? Выступить в России? В Москве? Первого июня? Отличная идея, Егор! Я только «за», да и парни, уверен, не станут возражать, они тоже давно хотели посмотреть, как живут в вашей стране, спеть для русских.

– Вот и случай подвернулся, прилетайте сразу на недельку, отдохнёте, расслабитесь, – говорил я, косясь на Суслова, который вполне мог владеть английским. – Тут вам обещают целую культурную программу по высшему разряду. Насчёт билетов на самолёт, как меня заверили, проблем не будет, их вам оформят через советское консульство. А в Москве забронируют места в лучшей гостинице. Запиши, кстати, телефон человека, через которого будете держать связь, его зовут Леонид Федулов.

– Да, но нам ещё нужно поставить в известность Брайана.

– Эпстайна? Думаешь, он может наложить вето на поездку?

– Вряд ли он пойдёт на это, думаю, он даже попросит ещё один билет на него.

– Михаил Андреевич, а можно будет билеты на пятерых – четырёх музыкантов и их продюсера?

– Решим вопрос.

– Джон, мне сейчас сказали, что этот вопрос решаем... Ага... Хорошо, будем на связи. Пока!

Я положил трубку, и мы обменялись с Сусловым взглядами. Молчание длилось несколько секунд, после чего тот наконец произнёс:

– Ну что, товарищ Мальцев, всё нормально?

– Да, товарищ Суслов, вроде со всеми удалось уладить. Ничего, что я им пообещал культурную программу от вашего лица?

– Какую именно? – насторожился Суслов.

– Мы этот вопрос не уточняли, зато у вас будет время это продумать.

Хм, хорошо, обмозгуем... Теперь, если вас не затруднит, посидите в приёмной, а я созвонюсь с Екатериной Алексеевной, мы обсудим вопрос участия вышеперечисленных исполнителей в рамках фестиваля. Я распоряжусь, чтобы Вера Алексеевна сделала вам ещё чаю.

– А вопрос можно?

– Задавайте.

– Вам не кажется, Михаил Андреевич, что название фестиваля, скажем так, несколько неактуально?

– Что вы имеете в виду?

– То, что я и говорил на собрании. У нас немало ветеранов войны нуждаются, например, в улучшении жилищных условий, а на фоне недавнего землетрясения в Ташкенте можно было бы помочь и оставшимся без крова. Думаю, люди с удовольствием приняли бы помощь.

– Хм, над этим нужно помозговать...

– И ещё одно предложение вдогонку разрешите озвучить?

– Да вы просто фонтанируете идеями, Егор Дмитриевич! Ну, что там у вас ещё?

– У меня вариант проведения концерта в двух отделениях. Сами видите, что, с одной стороны, подбираются музыканты старшего поколения со своим репертуаром, с другой – молодые, исполняющие более современную музыку. Не логично ли будет их развести вместо того, чтобы выступать вперемешку?

– А что, в вашем предложении есть зерно. И выглядит это вполне логично, я бы мог и сам до этого додуматься. Это мы сейчас тоже с товарищем Фурцевой решим. А вы всё же идите чайку попейте, пока я общаюсь по телефону.

Минут через тридцать, когда этот самый чай у меня разве что из ушей не тёк и я думал, о чём так долго можно говорить с министром культуры, меня снова пригласили в кабинет к Суслову.

– Всё нормально, мы поговорили с Екатериной Алексеевной. Вопрос о новых исполнителях решили. Она при мне созвонилась со своим заместителем, товарищем Баскаковым, который непосредственно взаимодействует с артистами. Генеральная репетиция состоится тридцать первого мая в ДК «Красный Октябрь» в полдень. Ну это вы вроде знаете. Будет у вас ещё возможность созвониться с вашим английским другом?

– Надеюсь, да.

– Вот как выясните, точно ли они готовы лететь, тогда через консульство закажем билеты и обеспечим гостиницу. В экстренном порядке мы допечатаем афиши с изменениями. Только на всякий случай появление этих... The Beatles упомянем как возможное. Кстати, а с участниками вашей группы всё нормально, разместят?

– Да, в гостинице «Москва» на парней выделили трёхместный номер и на девушку – одноместный.

– Замечательно! По концерту в двух отделениях товарищ Фурцева тоже со мной согласилась. Чтобы не томить ожиданием немолодых артистов, решили, что они выступят в первом отделении, а вы, молодые, будете закрывать фестиваль. Что же касается названия фестиваля и цели акции... Мы и этот вопрос обсудили с Екатериной Алексеевной и пришли к выводу, что если исполнителей можно варьировать, то цель акции уже обозначена.

– Жаль, – вздохнул я.

– Но согласитесь, что помощь африканским детям – тоже благородная цель... Что ж, не смею вас больше задерживать, Егор Дмитриевич. Всего хорошего. Если возникнут какие-то вопросы, звоните или мне в приёмную, или сразу товарищу Фурцевой...

«Ф-фух, прокатило, – думал я, покидая здание на Старой площади. – Причём прокатило не в самом плохом варианте. Жаль, что с идеей акции не выгорело... А тут я ещё ухмыляюсь портрету Шелепина. На фоне легенды о нашем родстве Суслов мог это воспринять в каком угодно ключе».

Весь погружённый в свои мысли, я на автомате поймал такси и так же, в мыслях о грядущем фестивале и недавней встрече с Сусловым, доехал до дому. Поздоровался с парой бабушек у подъезда, одолел первый лестничный пролёт... и увидел сидящую на подоконнике Светлану Фурцеву.

В первый момент я её даже не узнал. Куда делась та жизнерадостная, пышущая здоровьем молодая женщина? Теперь это была её бледная исхудавшая тень. Тёмные круги под глазами делали её похожей на Наталью Варлей в образе панночки, которая в гробу летала перед охреневшим Хомой.

– Привет! – сказал я, не зная, что ещё можно произнести в этой ситуации.

– Привет, – тихо ответила она. – У тебя нет сигаретки или папиросы?

– Ты же знаешь, у меня режим, с вредными привычками строго.

– А я вот не могу бросить... Никотин меня хоть немного успокаивает. Час назад последнюю выкурила.

А окурки, получается, прямо в эту открытую форточку бросает, на голову сидящим у подъезда бабулькам. Или их ветром сносит? Вполне вероятно, ветерок сегодня серьёзный, иначе, упавши им «бычок» за шиворот, старушки мигом всех на уши подняли бы. А вообще странно, что человек столько времени сидит в подъезде и никто и ухом не повёл. Я за пять лет в этом мире уже привык, что советские люди обязательно поинтересуются у праздного торчащего в подъезде неизвестного, к кому он, кого ждёт, а уж бабушки и вовсе всю душу вытрясут. Тем более у нас пятиэтажный дом, без лифта, всё движение по лестнице.

– А что стряслось, почему такой... вид?

– Что, плохо выгляжу?

– Да не то чтобы плохо... Но сильно отличаешься от той Светланы Фурцевой, которую я видел год назад.

– Что ж вы меня все по девичьей фамилии склоняете? – грустно усмехнулась она. – Я ведь уже несколько лет Козлова. Так и норовите напомнить, кто моя мать.

Я на мгновение растерялся. Действительно, я и сам как-то привык проводить непосредственную параллель между Фурцевой-старшей и её дочерью.

– Ладно, больше не буду... А здесь-то что делаешь? Ждёшь кого?

Ответ на этот вопрос я знал заранее, поэтому не особенно удивился, услышав:

– Ага, жду. Тебя. Меня тут бабки за твою поклонницу приняли, я не стала отнекиваться. В какой-то мере да, поклонница. А они мне, мол, шлятся тут, все стены в подъезде исписали. – Она выжала из себя страдальческую ухмылку.

Насчёт стен бабки были правы, но это было преимущественно до моего отъезда в Англию. Потом фанаты поутихли. Странно, что сейчас и в самом деле их не наблюдается, всё ж таки многие через газеты и ТВ узнали, что я вернулся, чтобы выступить на фестивале.

– Так ты что, просто поговорить хотела или... – Я запнулся, не зная, как выразить свою мысль. – Извини, домой не приглашаю, ребёнок маленький. Да и жена... может неправильно понять. Если хочешь, давай посидим где-нибудь в кафе, что ли...

– Господи, какое кафе?! – простонала Светлана, глядя на меня повлажневшими глазами. – Я же к тебе пришла! Ты понимаешь, что я не могу без тебя жить?! Вот, смотри. – Она закатала рукава платья, показывая бело-розовые шрамы на запястьях. Вот же, ведь Фурцева-старшая не раз вскрывала себе вены – если верить некоторым историкам, – начиная примерно года с 1960-го, и дочка идёт проторенной дорожкой. – Это из-за тебя! – В её голосе уже ощущались нотки истерики. – Неужели ты ещё тогда, год назад, не понял, что мне нужен только ты?! Да я пить начала из-за тебя! Я вены из-за тебя резала!

– Свет, давай успокойся, и мы поговорим, как взрослые люди. – Я обнял её за вздрагивающие плечи. Ох, как же я ненавижу успокаивать плачущих баб! – Ну всё, прекращай плакать, у тебя же тушь потечёт... Хотя какая тушь, ты же без косметики. Нельзя так себя запускать женщине в самом расцвете лет. Ладно, где у тебя носовой платок? В сумочке? Щас...

Порывшись одной рукой в её ридикюле, извлёк оттуда практически чистый носовой платок и принялся вытирать слёзы на лице своей воздыхательницы. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь из соседей мимо прошёл. Новость, что Егор Мальцев обнимается с какой-то плачущей

женщиной, тут же разлетится не только по дому, но и по Москве чего доброго. Объясняйся потом с супругой, а оно мне надо? То-то же.

– Как ты, успокоилась немного? – спросил я, убирая платок обратно в сумку.

Я взял её лицо в свои ладони, поднял, вглядываясь в чёрную глубину зрачков. Сейчас это всё ещё всхлипывающее существо выглядело настолько затравленно, что в порыве жалости захотелось его прижать к себе и зарыться лицом в растрёпанные волосы. Однако это дало бы Светлане повод на что-то надеяться, а я не хотел вводить её в заблуждение относительно перспектив наших отношений.

– Егор, скажи, что ты меня любишь, – прошептала она, не сводя с меня полного надежды взгляда.

– Свет, я люблю тебя как друга, но как женщину я могу любить только свою жену. Ты же сама всё прекрасно понимаешь.

– Ах так!

Она резким движением расстегнула молнию на боковом кармане сумочки, и спустя секунду я увидел в её руке складной нож с уже выдвинутым лезвием.

– С венами не получилось, а с артерией получится.

Дальше я действовал на автомате. Тыльной стороной левой руки я подбил её правую руку, сжимавшую несущийся к шее нож. Но немного не успел – Света самым кончиком оцарапала себе шею. Правой рукой удержал её кисть с ножом над головой и резко выкрутил.

– Ой, мамочки! Нож с глухим звоном упал на плитку лестничного пролёта. Светлана в ужасе смотрела на меня, прижав ладонь к своей шее. Я же, всё ещё на адреналине, не без труда оторвал её руку от раны.

– Ерунда, небольшой порез, – выдохнул я, чувствуя, как меня понемногу отпускает. Снова достал из сумки носовой платок, приложил к ранке. – Прижми, сама будешь держать. Думаю, даже швы накладывать не придётся... Ох ты ж дура, а! И мозги у тебя куриные!

Наклонившись, чтобы подобрать нож, в последний момент передумал брать его за ручку, подцепил аккуратно двумя пальцами и опустил в карман своего пиджака. Ещё не хватало отпечатки оставлять, чтобы потом мне покушение на жизнь министерской дочки приписали. Пусть пока у меня побудет, если что – на нём пальчики только Светланы.

– Ты мне чуть руку не сломал, – всхлипнула она, прижимая платок к шее левой рукой и тряся кистью правой.

– А нужно было бы, чтобы больше не хваталась за что ни попадя. Это ж надо до такого додуматься!.. Пошли.

– Куда?

– Куда-куда... К матери твоей поедem, пусть разбирается с дочуркой, а я умываю руки.

– Я не поеду к ней. – В её голосе снова начали прорезываться истерические нотки. – Лучше я вены себе перегрызу, не хочу её видеть!

– Тебе в любом случае нужно оказать какую-то медпомощь... А, чёрт с тобой, пойдём ко мне.

– К тебе? Ты же говорил, у тебя жена дома, ребёнок...

– Ничего, я кухонные ножи спрячу подальше. Ну, чего стоим?! Кровью истечёшь, пошли хоть продезинфицируем рану, ещё неизвестно, что за колбасу ты этим ножом резала.

На этот раз она проявила покорность. Я-то малость нервничал, представляя, как буду объясняться с женой, ещё, чего доброго, и она ревнивую истерику закатит. Надеюсь, они хотя бы между собой не передерутся.

– Привет, лапа, привёл мою неудачливую поклонницу. Узнаёшь? Да-да, Светлана Фурцева... то есть Козлова по мужу. Вы ещё в гримёрке пересекались после концерта трио «НасТроение».

– Как же, помню... Здравствуйте, Светлана. Ой, а что это у вас... с шеей?

– Несчастный случай, – быстро ответил я за ещё больше побледневшую дочку министрши, прижимавшую платок к порезу. – Представляешь, встретились в подъезде, ну и попросила заодно автограф. У неё карандашик с собой был, правда, туповатый, и лезвие. Решила грифель заточить на ходу, да видишь как – малость промахнулась.

– У нас в подъезде? – подняла брови Ленка, удивлённо глядя на Светлану.

– А у неё приятельница здесь живёт, – вдохновенно врал я, уже не думая о последствиях. – Как раз от неё спускалась, да, Света? Так что, найдутся у нас йод с пластырем?

– Как не найтись, уж для дочери министра культуры найдём.

В общем, по-бабски они нормально столковались. Фурцева-Козлова даже позволила себя уговорить выпить чайку, пока мы ждали вызванное по телефону такси.

Когда сажал свою «поклонницу» в «Волгу» с шашечками, водитель сначала мазнул по мне взглядом, а затем принялся разглядывать более сосредоточенно.

– Ба, да вы же Егор Мальцев, знаменитый футболист!

– Вы обознались, просто похож, – на автомате отреагировал я. – Меня постоянно с ним путают.

– Жаль, – искренне расстроился таксист. – В таксопарке бы ребятам рассказал, они просто обалдели бы.

– Приходите всем таксопарком на музыкальный фестиваль первого июня, там ваш Мальцев точно будет выступать.

– Хе, так нас уже заставили купить билеты. Сказали: не купите – вклеим выговор в личное дело. А уж они-то вклеят, они найдут повод.

Похоже, водитель любит поболтать. Ну, дальше пусть со Светланой трещит. Несмотря на её протесты, вручил таксисту деньги за проезд с запасом, разрешив оставить сдачу себе. Проводив взглядом свернувшую за угол дома машину, поднялся обратно в квартиру, где меня уже ждала оперевшая руки в боки супруга.

– Ну, рассказывай, муженёк, что это сейчас было?

Глава 3

В общем, следующий час у нас ушёл на выяснение отношений. Желая в будущем не оглядываться на какие-то недомолвки, выложил Лисёнку всё как на духу, естественно, признавшись, что подругу-соседку придумал на ходу. Даже рассказал о попытке Светланы закадрить меня на прошлогоднем банкете.

– Может, это была моя ошибка, что сразу тебе не рассказал, думал, было – и прошло, забудется. Вернее, ничего не было, я бы тебе ни в коем разе не изменил. А она вон видишь как, всё никак не угомонится, – подытожил я.

Честно сказать, далеко не был уверен, что Ленка не кинется собирать вещи с криком: «Всё, надоело твоё враньё, кобель несчастный, я возвращаюсь к маме и папе!» Но моя девочка оказалась более рассудительной.

– И как же быть дальше? – спросила она.

– Ну, если не прекратит ерундой заниматься, не угомонится, то придётся её мамашу проинформировать для начала, а в случае чего заявление в милицию накатать. Хотелось бы верить, что у неё хватит ума остепениться.

– Хотелось бы... А нож где?

– Эх, он же у меня всё ещё в кармане пиджака! Надо его в пакетик положить и занывать куда-нибудь, как вещественное доказательство. Мало ли, вдруг Светлана решит задним числом заявить, что это я на неё с ножом кинулся.

А ещё через пятнадцать минут я с аппетитом уплетал куриный суп с клёцками на первое и картофельное пюре с парой котлет, поджаристых, как я люблю, с корочкой, на второе. Ну и стакан ароматного чая; давеча, пока с Лидой Клемент по рынкам и магазинам болтались, ухватил пару расписных жестяных коробок крупнолистового чая «Букет Грузии».

Разобравшись в отношениях с женой и с запоздалым обедом, я снова принялся названивать Михе и Адель. Сказал им, когда и где будет проходить генеральная репетиция, и попросил определиться с репертуаром – им разрешили исполнить по две песни.

У Ольги, то бишь Адель, к этому времени уже сложился свой коллектив: барабанщик, гитарист, бас-гитарист и клавишник, играющий на простеньком аналоге синтезатора. Так что помощи от «Апогея» теперь и не требовалось.

Заодно порадовал Адель новостью, что сочинил для неё пару хитов. Далеко ходить не пришлось, взял из репертуара Борисовны «Куда уходит детство» и «Этот мир придуман не нами». Договорились встретиться завтра у неё на репетиционной базе.

Так, с Битлами созвонимся позже, когда они сами сначала решат вопрос с Эпстайном.

Ленка пошла выгуливать Лёху, а я включил телевизор. Там показывали концерт в Кремле с участием Бернеса. Тут же вспомнил, как Марк Наумович просил меня написать для него новую песню. Что ж новую-то, у нас и старых полно. В смысле, старых для Алексея Лозового из будущего, а для Егора Мальцева из 1966 года ещё ничего не написано.

А вот, например, «Ласковая песня» от Фрадкина и Долматовского. На моей памяти её больше других исполнял Кобзон, причём написана она была году эдак в 1980-м, если не позже. Так, подыграть себе на фортепиано, обновить воспоминания – и сразу в нотную тетрадь. Пересечёмся на генеральной, там и вручу Бернесу текст с нотами. И напою, чтобы понял что к чему. А то ведь нот он не знал, факт общеизвестный, зато пригодятся его будущему аккомпаниатору. Ну а аранжировка – отдельная тема, там вообще смогут, если что, без меня справиться, если руки из нужного места растут и голова не ниже пояса.

Как раз время идти своих забирать с прогулки, помогать переть наверх коляску. А потом я подумал о Кобзоне. Чтобы Иосиф не чувствовал себя обделённым на генеральной репетиции, где он наверняка увидит наши экзерсисы с Бернесом, можно ему предложить песню того же

Фрадкина, но уже на стихи Рождественского «Там, за облаками». Он ведь и впрямь её пел, во всяком случае, я прекрасно помнил юбилейный вечер «Самоцветов». Теперь может исполнить пораньше. А ещё можно добавить совкового патриотизма в виде песни «И вновь продолжается бой!». Она Пахмутовой и Добронравовым тоже ещё не написана.

Вообще становится малость стыдно, сколько уже вещей у этой четы увёл. Но, как говорится, нет худа без добра! За последнее время семейно-творческий союз разродился двумя песнями, которых в моей реальности попросту не было. Одна называлась «Иван-чай» – приятная, лирическая композиция в исполнении Зыкиной. Вторая воспевала подвиги комсомольцев в до и послевоенные годы, называлась «Вечная молодость», что мне живо напомнило одноименный хит группы «Чиж & Со». А за футбол мне не стыдно, всё, так сказать, кровью и потом заработано, пусть и арендованного мной тела. Аренда, правда, тянется уже пять лет, и иногда мне кажется, что моя прошлая жизнь – долгий, может, и не самый дурной, но сон. О возвращении в прежнее тело даже думать не хочется...

– Егор, тебя к телефону, – позвала из прихожей Ленка.

– Кто там ещё?

– Из Министерства культуры вроде.

Неужто Фурцева?! Блин, а если по поводу дочки... Жутковато становится. Но нет, звонил Баскаков, отчество которого я решительно запомнил, тем более что он представился мне в этот раз просто по фамилии.

– Егор Дмитриевич, вы как, созвонились с ансамблем «Апогей» и Адель? Узнали, что они будут петь?

Выяснив необходимую информацию и прежде чем попрощаться, Баскаков попросил уточнить у Битлов, что они планируют исполнять в рамках фестиваля, если всё же точно собираются прилететь в Москву.

Уже в девятом часу вечера, когда я дописал последние ноты песни «И вновь продолжается бой!», решил ещё раз позвонить Джону домой в надежде, что он вернулся-таки в лоно семьи. Как в песне у Высоцкого, пришлось набирать «07», прежде чем меня соединили с квартирой «мистера и миссис Леннон». Трубку снова взяла его жена, но на этот раз, на мою удачу, неформальный лидер Битлов оказался дома.

– Привет, это Егор! Ну как, решили вопрос с Эпстайном?

Да, всё отлично, он сам с огромным удовольствием съездит в Россию. И парни согласны отыграть на шоу, даже несмотря на то, что фестиваль благотворительный и мы за выступление ничего не получим.

То ли намеревался прозрачно, то ли без задней мысли о бесплатном выступлении вякнул... Ладно, я тут вообще сбоку припёка. Под занавес разговора уточнил, что они планируют исполнять на фестивале. Идиотизм, конечно, неужто наш худсовет будет принимать решение, годятся песни Битлов для фестиваля или нет?! Как бы там ни было, от лица ливерпульской четвёрки Джон предложил Baby's in Black, I'm a Loser, Albert Dock и только что написанную Yellow Submarine. Если с тремя из вышеперечисленных композиций я был знаком, то Albert Dock мне представлялась загадкой. Я попросил Джона рассказать о ней чуть подробнее. Выяснилось, что эта песня посвящена ливерпульскому доку, который назывался Альберт, по сюжету песня напоминала песенку из мультика «Мы пришли сегодня в порт». Мол, что вижу – о том и пою. Интересно было бы мелодию хотя бы услышать. Впрочем, ждать недолго осталось.

По уже сложившейся советской привычке экономить, быстренько свернул разговор, решив, что с Баскаковым созвонюсь завтра. У меня был только его рабочий номер, вряд ли он задерживается в кабинете так допоздна.

В последующие до генеральной репетиции дни я наслаждался отдыхом в кругу семьи. Единственное, решил всё же не ограничиться дарением песен Бернесу и Кобзону. Привык уже действовать согласно поговорке «Всем сёстрам по серьгам». Поэтому задумался, чем порадо-

вать Магомаева, Хиля, Клемент, Миансарову, тех же «Апогей» и Адель... Мулермана, жаль, нет в списке выступающих, он когда-то у меня пел «На дальней станции сойду», «Травы-травы» и «Дрозды», заимствованные из репертуара Геннадия Белова. У того же Белова можно позаимствовать и полушуточную песенку «Хороший ты парень, Наташка!» на музыку Шаинского и стихи, кажется, Ибрыева. Вещь ещё не написана, в будущем её некоторые – незнакомые с текстом, а лишь услышав название – воспринимали двусмысленно на фоне разгула гомосексуальности, а пока слушатель принимает песню так, как и задумывалось авторами. Отдам-ка я её Хилю, может, Эдику понравится.

А вот Магомаеву... Ужасно хотелось подсунуть «Это здорово» из репертуара Коли Носкова. Но текст в ней несколько не соответствует курсу партии: «Отовсюду здесь веет холодом», «Среди подлости и предательства» и так далее. Ну и голос у Магомаева слишком уж «отутюженный», хотя пока всё равно ориентиров нет, никто же в этом времени эту вещь ещё не исполнил.

А предложу-ка я Магомаеву челентановскую Confessa! Шок? Ага, это же по-нашему. Надеюсь, худсовет на фоне наладившихся связей СССР с Италией не зарубит композицию. А Муслим попробует добиться лёгкой хрипотцы, которая была визитной карточкой Адриано. Да, собственно говоря, и без хрипотцы прокатит, но она придаёт песне дополнительной сексуальности. В общем, поглядим-посмотрим.

Что у нас есть для женщин?.. Пьеху, кстати, тоже могли бы пригласить, чем она-то Фурцевой не угодила? А между прочим, можно подкинуть Эдите её же хит «Наш сосед» за авторством Бориса Потёмкина. Песня датировалась вроде бы 1968 годом. Если бы оказалась уже написана, я её наверняка услышал бы. Тоже как-нибудь при встрече обсудим.

Кто там по списку, Миансарова? Тамаре можно отдать песню Пахмутовой и Добронравова «Я не могу иначе». В исполнении Валечки Толкуновой звучит на редкость душевно, но пока она совсем молоденькая, в этом году должна, кажется, быть принята в вокально-инструментальный оркестр под управлением Саульского. Или всё-таки подождать, пока Толкунова созреет? А Тамаре можно подкинуть «Ромашки спрятались» из какого-то кинофильма на рубеже 1960-70-х, пока я её нигде не слышал. Ничего страшного, что Людмила Георгиевна её не споёт, песней больше, песней меньше.

«Ромашки спрятались, поникли лютики...» – затянул я на автомате себе под нос, рисуя ноты.

Оказалось, что слух у моей Ленки не хуже, чем у летучей мыши.

– Ой, что это за песня?

– Да вот, сию сочиняю помаленьку. Практически уже готова.

– Ёжик, спой, а?! – И так смотрит жалостливо, что не откажешь.

Ну так мне жалко, что ли?..

– Ладно, только закрой все двери, чтобы Лёшку не разбудить.

Подыграл себе на фортепиано, предупредив, что вообще-то песня женская, хочу отдать её Миансаровой. Ленка влюбилась в композицию моментально, пришлось ещё и на бис исполнять. А потом попросила ей слова на листочек переписать, а мелодию она сразу запомнила.

Ладно, вернёмся к нашим баранам... Ребятам из «Апогея» предложим суперхит группы UFO под названием Belladonna. Буквально от сердца оторвал. Была мысль оставить его для себя, но решил всё-таки проявить чудеса коммуникабельности. «Апогей» вроде не был замечен в хард-роковых наклонностях, ну так это, опять же, баллада, для разнообразия репертуара им сгодится.

Адель ещё у нас без подарка... Почему-то в последнее время стал ассоциировать её с Земфирой. У Оли-Адель уже имеется в репертуаре её вещь, думаю, ещё что-нибудь не помешало бы. Пришла на память «Прогулка», но с сожалением отклонил этот вариант. Либо приличный синтезатор нужен, либо небольшой симфонический оркестр. Да и текст, в котором мелькают

фразы «Если верить киношникам, мы загружены в матрицу» и «Ты был счастливый и пьяный», вряд ли придётся по вкусу членам худсовета. Тогда уж «-140», где слова «ни фига» легко замечаются на «ничего», а в целом песня отдаёт мажорными джазовыми нотками. Хорошо, что я в своё время увлекался творчеством Земфиры и многие её песни помню наизусть. Решено, сажусь за ноты.

25 мая мне дозвонился Николай Морозов.

– Егор, я знаю, что ты готовишься к ответственному культурному мероприятию, но учти, что пятого июня мы играем с французами. На игру с итальянским «Ланеросси» я уж тебя дёргать не буду – соперник проходной, а вот в игре со сборной Франции хочу посмотреть тебя в деле. Ты как вообще после сезона в Англии, не тренировался?

– Есть такое, Николай Петрович. Можно сказать, сегодня первый день более-менее свободный, а то с этим фестивалем столько беготни... Сейчас окно до тридцатого мая, там мои музыканты прилетают, поеду их встречать, размещать в гостинице. А вечером того же дня у нас репетиция. Тридцать первого, наверное, съезжу опять в аэропорт, встречу группу The Beatles, и в тот же день будет генеральная. Первого июня фестиваль, и второго я уже в расположении сборной.

– Хорошо, второго июня у нас командное собрание в здании Федерации футбола СССР, в десять утра. Надеюсь, ты почтишь нас своим присутствием. А до тридцатого нет желания потренироваться с ребятами?

– А что, можно?

– Не можно, а нужно! Всё-таки и нам, тренерам, хочется посмотреть, в какой форме ты находишься. Кубок чемпионов – это, конечно, хорошо, но и об интересах сборной помнить желательно. Кстати, можешь даже сегодня подъехать к семи вечера на Песчаную.

– У сборной тренировка там?

– А на Стадион Ленина нас пока не пускают, там же идёт подготовка к вашему фестивалю. Так что приезжай на Песчаную, будем ждать. И форму тебе подберём, насчёт этого не волнуйся.

Только положил трубку – подкрадывается Ленка и подсовывает газету с телепрограммой.

– Егор, смотри. Три программы с тобой показывают на следующей неделе. – И ткнула пальцем сначала на вечер среды, 1 июня, где с 19 до 22 часов будет идти прямая трансляция фестиваля.

Затем её аккуратный ноготок передислоцировался на воскресенье, 5 июня. Здесь в 17.00 опять же прямая трансляция, но теперь футбольного матча СССР—Франция, где я надеялся выйти хотя бы на замену, а в утреннем блоке идёт «Музыкальный киоск». И что интересно, здесь же указано, что выпуск посвящён творчеству Егора Мальцева и группы S & H. Ничего себе! Это, получается, весь выпуск, все 30 минут?! Случай доселе беспрецедентный, обычно для современного зарубежного репертуара выделялась самая концовка программы, чтобы втиснуть один клип, ну или видеоролик, поскольку понятия «клип» в СССР ещё не существует. С другой стороны, запись, которую я вручил Беляевой, тянула на полтора часа. Как они их втиснули? Или станут частями показывать, растянут на три недели?

А перевод какой-то будет нашей болтовни между песнями? Или, может, программа пойдёт с субтитрами? А вероятнее всего, вообще с закадровыми комментариями ведущей, а показывать будут только наше выступление без говорильни. Ну да что гадать, факт сам по себе занятный и неординарный.

Жаль, что вряд ли получится посмотреть, в день матча с утра будет не до этого. Ладно, ничего страшного, я-то знаю, что на плёнке, которую я передал Элеоноре Валериановне, если только там они от себя ещё чего не налепят. Мол, в этом дворе начинался творческий путь ныне известного музыканта и футболиста Егора Мальцева. Здесь он устраивал и квартирники, и... как сказать – дворники? Не стоит, пожалуй, голову ломать, она мне ещё пригодится.

– Лиса, ты, надеюсь, появишься на фестивале? – поинтересовался я у жены.

– Конечно, оставляю Лёшку родителям на вечер, они будут только рады.

– Одна пойдёшь или с кем-то? В смысле, с подругой?

– С Ольгой. Она, кстати, с твоим бывшим дружкой Витей, Муха который, крутит. Помнишь, она на речку вместе с нами загорать ездила?..

– Эта та Оля, у которой необхватная задница?

– Нормальная у неё задница, не болтай.

– Ладно, будет вам пара контрамарок. А что, кстати, о моих бывших поделниках слышно?

Ты меня спрашиваешь? Они же твои вроде друзья... были. Нет, ну если хочешь, то я могу у Лёльки узнать, она-то с Витей общается и об остальных что-нибудь да знает.

– Слушай, а позвони ей прямо сейчас, может, у неё номер Мухи есть? И заодно новостью о фестивале обрадуешь.

Через десять минут я уже болтал по телефону с Мухой – в миру Витькой Мухиным. Нет, ну а что, в самом деле, за всей этой звёздной музыкально-футбольной завесой парни как-то ушли с орбиты моих интересов. А ведь они были первыми, с кем я встретился в этом мире.

– Штырь! Ой, какой Штырь... Егор, здорово!

– Привет, Муха! Или тебя лучше Витьком звать?

– Да зови, как хочешь. В училище ещё Мухой парни звали, а сейчас я на маневровом тепловозе в депо работаю, помощником машиниста, некоторые даже Виктором Петровичем величают.

– А я-то думал, ты по возрасту в армии должен служить.

– В армию меня не взяли, плоскостопие, – с ноткой грусти промолвил Муха. – К строевой негоден. А я ведь танкистом хотел быть, как мой батя, там вообще служба сидячая. Эх, нет в жизни счастья...

– А как там остальные парни? Вроде как Бугор на зону загремел?

– Бугор по зонам и скитается, говорят, даже в авторитеты выбился. Сява по той же дорожке пошёл, через год после Бугра на малолетку угодил, сто лет его уже не видел-не слышал. Ну а Дюша сейчас на морфлоте лямку тянет. Через год дембель. Как-то даже письмо мне присылал, писал, что первое время от качки зелёный ходил, а потом приноровился. В общем, разлетелась наша стая кто куда. Ты вон теперь знаменитость, твои песни вся страна распевает, в Англии в футбол играешь. Я нашёл старую фотокарточку, где мы вдвоём стоим, всем теперь показываю, правда, никто не верит, что на фотке ты.

– Я тебе на ней автограф оставляю, может, начнут верить... Слушай, Виктор ты наш Петрович, а первого июня что делаешь вечером?

– Вечером?.. У меня вроде первая смена, так что в шесть я уже свободен.

– Ну, тогда бери свою Ольгу и топайте с моей Ленкой на стадион, на фестиваль. Контрамарки у меня есть, причём на приличные места. А после концерта пересечёмся, посидим где-нибудь. Только недолго, утром меня ждут в сборной.

Вопрос решился положительно. Я сразу по телефону забронировал столик в ресторане «Арагви». Поначалу это выглядело бесперспективной попыткой, мол, у нас тут зал полностью арендован, а когда я себя назвал – мне просто не поверили. Тогда я попросил пригласить к аппарату Аркадия, который, на моё счастье, уже отирался в ресторане. Услышав знакомый голос, руководитель ресторанного коллектива чуть ли не минуту рассыпался в приветствиях и изъяслении всяческого почтения к моему таланту.

– Аркадий, нам бы столик забронировать на вечер первого июня, на четверых, – наконец вставил я фразу. – Хотим после фестиваля небольшой дружной компанией посидеть повспоминать старое.

– Столик? Хм, оставайся на линии, я скоро.

Через пару минут в трубке снова раздался его бодрый голос:

– Всё нормально, будет вам столик. В углу, правда, но там такой уютный закуток...

– Отлично, такой вариант меня как раз устраивает.

– У нас в этот день кавказская свадьба гуляет, на сутки ресторан сняли, – понизив голос, уточнил Аркадий. – Думаю, ни вы им особо мешать не будете, ни они вам. Надеюсь, ты... гм... платёжеспособен?

– Обижаешь, Аркадий, по деньгам никаких проблем.

– Ну тогда до встречи, жду в гости.

Я положил трубку и взглянул на жену.

– Ёжик, я так не хочу, чтобы ты уезжал в эту свою Англию, – ластилась она ко мне, пока Лёха неуклюже ползал по полу.

– Ну, контракт, в принципе, ещё не подписан, но, думается, это дело одного, максимум двух месяцев, – вздохнул я. – Во всяком случае, всё будет ясно по окончании чемпионата мира. Но я тоже по тебе очень соскучился. Не представляю, как я там буду без тебя с пацаном, хоть с собой вас забирай.

– А что, можно? – оживилась жена.

– Я закину удочку Ряшенцеву, коль уж через него всё это дело проворачивалось, но ничего обещать не буду.

Да уж, это в будущем наши Аршавины и Погребняки своих жён и детей в Англию вывозили, а в СССР подобных прецедентов ещё не было. Разве что семьи дипломатов и сотрудников торговых представительств, но уж никак не футболистов или хоккеистов, возможно, по той простой причине, что за пределами страны практически никто не играл. Сейчас-то, может, в связи с меняющейся внутренней и внешней политикой как-то попроще будет в этом вопросе, так что поговорить с руководством Федерации футбола всё же не мешало бы.

– Всё, я на Песчаную!

Решительно поднявшись, накинул пиджак, во внутренний карман сунул кошелёк, натянул свои английские ботинки, чмокнул жену в щёку и отправился на встречу со сборниками.

Практически все были мне знакомы. Если с кем-то не играл в сборной, то уж в чемпионате Советского Союза пересекались по-любому.

Но вот кого я видел действительно впервые – это Эдуарда Стрельцова. Крепкий, кряжистый, со взглядом исподлобья, такой конкретный мужик. Но когда улыбался – словно солнце проглядывало из-за туч. А улыбнулся он, как только увидел меня в раздевалке, где я примеривал выданную мне амуницию.

– Мальцев! Говорят, ты поспособствовал моему возвращению в «Торпедо»? Держи краба!

Хороший он мужик, этот Эдик. Правильный, без фальши. И куда они все исчезнут, эти правильные мужики, с развалом СССР? Впрочем, исчезать они начали раньше, когда страна, возглавляемая патриархами из ЦК, вовсю скатывалась в тупик. Когда во все стороны летели болты и гайки, которые так старательно и, казалось, на века затягивали наши предки, строившие социализм и свято верившие, что их потомки будут жить при коммунизме.

В общем, со Стрельцовым мы как-то быстро сдружились. Во всяком случае, мне хотелось в это верить. Да и Банишевский, чей дебют в «Нефтьчи» я ещё застал игроком «Динамо» и с которым планировал конкурировать за позицию правого нападающего, оказался компанейским парнем. Хотя на тренировке – на двухсторонке мы оказались в разных командах – он ни себя не щадил, ни соперника. Нередко смещался в центр атаки, а однажды умудрился оказаться на моём фланге, где мы сошлись в весьма жёстком стыке. Морозов тут же сделал ему замечание:

– Толя, поломаешь к чёрту Егора, как он хромой на фестивале выступать будет! Я уж не говорю о сборной.

– Хорошо, Николай Петрович, буду аккуратнее.

Но аккуратности Банишевскому хватило минут на пять от силы, потом он принялся за старое. Вот уж действительно «бычок», вылитый Руни советского образца. А в раздевалке Толя извиняющимся тоном сказал:

– Ты это, Егор, извиняй, если что. Я тебя там не сильно поломал?

– Пока на своих двоих передвигаюсь, – улыбнулся я, снимая щитки и озирая наливающийся на голеностопе синяк. – Ничего, тяжело в учении – легко в бою, как говаривал фельд-маршал Суворов. Ты вот с французами так играл бы, как сегодня. Они хоть и техничнее нас, а мы их характером и мощью задавим.

Тут в самом деле не поспоришь, французские футболисты в технике наших игроков превосходили, разве что я, без ложной скромности, мог с ними конкурировать на равных. Зато в физической мощи с советской сборной мало ещё какая могла поспорить. Ну, если не брать в расчёт немцев или англичан, те тоже зачастую предпочитали силовую манеру игры.

А 30 мая я встречал в Шереметьево своих ребят: Диану, Люка, Джона и Юджина. Звал я и Эндрю, но наш босс является также продюсером и The Rolling Stones, с которыми вынужден был отправиться в тур по Америке. Понятно, у нас-то один концерт, а у Роллингов – двенадцать, хотя Олдхэм говорил, что мечтает побывать в СССР, который для западного обывателя всё ещё являлся Terra Incognita. Ну да какие его годы, думаю, ещё побывает.

Все сдали в багаж свои инструменты, кроме Дианы, не расставшейся с двумя гитарами – неизменным Fender Stratocaster и полуакустической Martin, которую, оказывается, купила всего пару недель назад, да Джона держал при себе три комплекта барабанных палочек.

Я в очередной раз похвалил себя, что додумался прихватить из Лондона свой Gibson Les Paul Custom, мою чёрную красавицу.

– Добро пожаловать в СССР! – на английском поприветствовал я своих музыкантов после прохождения ими таможенного досмотра.

Те осматривались с таким видом, будто попали на другую планету, в надежде увидеть зелёных человечков.

– Господа, – подключился товарищ из Минкульта, также владевший английским, но на менее достойном уровне. – Господа, прошу пройти в автобус, он доставит вас в отель.

Я, будучи джентльменом, подхватил у Дианы одну из гитар и вместе со всеми занял место в специально выделенном автобусе. По пути мы наконец получили возможность поболтать. Я объяснил ребятам, что у них есть пять часов, чтобы отдохнуть, пообедать, а в 6 вечера за ними приедет этот же автобус и отвезёт их в ДК «Красный Октябрь» на улице Вишнёвой. Черри-стрит, по-английски. А название Дома культуры у англичан вызвало удивление. Пришлось объяснять, что Red October напоминает о возникновении Советского Союза, именно 25 октября по старому стилю крейсер «Аврора» дал исторический залп, возвещавший о начале новой эры.

– Я хочу посмотреть на крейсер! – заявил Джон.

– Он на вечной стоянке в Ленинграде, – осадил я барабанщика. – Может, когда-нибудь туда и попадёте.

Музыкантов разместили в номерах гостиницы «Москва», от уровня которых они малость охренели, потому что до этого им никогда не доводилось останавливаться в столь приличных апартаментах. Кстати, в этом же отеле завтра разместятся и Битлы, только этажом выше, где номера ещё презентабельнее, уровня люкс.

– Так, прощаюсь с вами до вечера. Из гостиницы – ни ногой, все прогулки по Москве после фестиваля. Там хоть в Москву-реку прыгайте. Но лучше я вам устрою обзорную экскурсию. Второго июня утром я буду на собрании в Федерации футбола СССР, а после, надеюсь, остаток дня проведу с вами. Ну а третьего улетите обратно в Лондон.

– А The Beatles тоже на четыре дня прилетают? – спросил Люк.

– Вот с ними пока нет ясности. В нашем Министерстве культуры решают, какую им предложить культурную программу, тем более что, если верить словам Леннона, они могут гостить в СССР хоть неделю, а то и две.

Это было правдой, мы только накануне созванивались с Баскаковым, и он меня проинформировал, что идёт работа над составлением графика пребывания ливерпульской четвёрки в Советском Союзе. Надеюсь, их не повезут к дояркам совхоза «Светлый путь».

Вечерняя репетиция прошла на одном дыхании, нам потребовалось всего несколько минут, чтобы заново сыграть после перерыва. Да и пара тромбонистов от Утёсова пришлось кстати, свою несложную партию в песне All You Need Is Love они выучили с первого раза. Профессионалы! Хотя других Леонид Осипович в своём оркестре и не держит.

31 мая я снова поехал в Шереметьево, теперь уже встречать Битлов. Собственно, там и так полно было встречающих, как официальных лиц, так и просто зевак. Не знаю уж, откуда прошла утечка, но уже за два часа до прилёта рейса из Лондона здесь началось броуновское движение. Поклонники музыкантов оккупировали всю территорию вокруг аэропорта, раз уж внутрь не удавалось прорваться. Сотрудники правоохранительных органов пока ещё не гоняли кучкующуюся молодёжь, периодически скандировавшую «Би-и-тлз! Би-и-тлз!» и размахивавшую свежееотпечатанными плакатами с изображением группы, но в любой момент готовы были оттеснить особо рьяных поклонников. Собственно, этим им и пришлось заняться, когда Джон, Пол, Ринго, Джордж и Брайн проследовали всё к тому же автобусу, который накануне возил мою группу. Ну а что, вполне логично, что началась форменная истерия. Недаром на следующий день в «Известиях» по этому поводу был опубликован фельетон с соответствующей карикатурой, как москвичи на руках несут автобус с перепуганными музыкантами из Англии. На самом деле на руках, понятно, его не несли, но раскачивать пытались, и Битлы реально были в шоке от такого приёма. Но в шоке приятном, как по пути в гостиницу они сами мне признались. Не ожидали, что в России (они предпочитали говорить именно Россия, а не СССР, несмотря на так и не написанную в этой реальности песню Back in the U.S.S.R.) у них столько поклонников.

Вечером того же дня опять в ДК «Красный Октябрь» собрались все участники фестиваля. Генеральная репетиция – процесс ответственный, но её едва не сорвали всё те же фанаты The Beatles, пытавшиеся чуть ли не штурмом взять Дом культуры. Пришлось даже выстраивать милицейское оцепление. Кстати, к чести Битлов, они свои вещи отыграли быстро и качественно, с одного дубля, что у некоторых наших исполнителей и музыкантов вызвало вполне естественную зависть.

Услышал я и Albert Dock. Очень даже мелодичная вещь, причём, как сказал Джон, на альбоме в записи будут добавлены звуки дока – от сирены буксировщика до крика чаек.

После репетиции ко мне буквально подбежал Магомаев, протягивавший фотоаппарат.

– Егор, будь другом, сфотографируй меня вместе с The Beatles, пока они не уехали!

Брайан был не против, да и Битлы с радостью согласились попозировать, и тут же к ним выстроилась целая очередь, преимущественно из молодых артистов, которые мечтали сфотографироваться с легендарными музыкантами. Директор ДК и ещё несколько аборигенов также не отказали себе в удовольствии запечатлеться рядом с ливерпульской четвёркой. Причём всё на тот же фотоаппарат Магомаева. Муслим в итоге даже посмеялся, что с каждого будет брать мзду.

– Сто рублей за снимок в компании группы The Beatles!

Понятно, что шутил, но уверен, некоторые и больше выложили бы за такую фотографию.

– Товарищи, а вы куда?!

– Да нам бы у товарищей из Англии автограф взять...

Я невольно повернулся на знакомый, с хрипотцой, голос. Ничего себе, да это же молодой Высоцкий, а рядом с ним мнётся такой же относительно юный Золотухин. И на их пути стеной встал квадратный администратор Дома культуры, разве что руки не раскинул в стороны.

– Не положено, товарищи! – И принялся теснить их в сторону, обеспечивая таким образом Битлам свободный проход.

На лицах обоих актёров проступило разочарование.

– Эй, Джон, – окликнул я Леннона на английском. – Не могли бы вы с ребятами оставить автограф вот этим двум людям?

– Да без проблем, Егор! – улыбнулся музыкант и повернулся к Высоцкому и Золотухину: – Есть ручка или карандаш?

Я перевёл им вопрос Леннона, и оба моментально извлекли из внутренних карманов пиджаков карандаши, только у Высоцкого был простой, а у Золотухина химический. Про ручку Джон, наверное, зря спросил. У них там шариковые ручки уже вошли в моду, а у нас в стране это пока в диковинку. Но как бы там ни было, вся ливерпульская четвёрка расписалась химическим карандашом на небольшом плакате со своим изображением.

– А могли бы и сфотографироваться, – подначил я актёров, глядящих вслед уходящим Битлам.

– Да мы уж не стали нагнать, – пробормотал Высоцкий. – Хотя фотоаппарат на всякий случай Валерка прихватил... Слушай, ты же ведь Малышев! А с тобой можно сфотографироваться?

– Да легко, – снисходительно улыбнулся я и окликнул Магомаева: – Муслим, будь добр, на эту камеру щёлкни нас троих... Давайте я в серединку встану. Готово? Ещё дубль сделай на всякий случай... Ага, спасибо. Ну что, товарищи артисты, удачи на вашем нелёгком актёрском поприще, хороших ролей в театре и в кино!

Пожав им на прощание руку, я прислонился к стенке, глядя на проходящих мимо артистов. Вот ведь, пока Высоцкий и Золотухин друзья, а годы спустя произойдёт размолвка. Вроде бы из-за роли Гамлета, хотя кто его знает, как на самом деле всё было... А вообще приятно, что они почли за честь не только у Битлов автограф взять, но и со мной сфоткаться. Блин, они-то себе фотки сделают, а я что же, без фотокарточки останусь? Ну я балда, надо было, пользуясь случаем, хотя бы обменяться телефонами! Глядишь, и знакомство завязалось бы. Ладно, чего уж после драки кулаками махать. Не последний день живём, пересекутся ещё, дай Бог, пути-дорожки.

Глава 4

Фанаты прознали, где остановились Битлы, поэтому неудивительно, что напротив входа в гостиницу «Москва» постоянно тусили группки молодых людей. В основном, понятно, старшеклассники и студенты. Для первых учебный год только-только завершился, и сегодня, 1 июня, они с чистой совестью торчали возле отеля. Вторые ещё до конца июня, по идее, должны сдавать сессию, защищать курсовую и дипломную работы, а там можно и в составе стройотряда куда-нибудь отправиться, заработать на карманные расходы. Но, видно, самые отчаянные на всё плюнули ради своих кумиров, в надежде лицезреть их во время выхода из гостиницы и отправки на Стадион им. Ленина.

Наивные... Они бы уже по мизерному количеству милиционеров могли бы догадаться, что и Битлы, и мои ребята вместе со мной покинут гостиницу через служебный вход, к которому подадут автобус. В «Лужники» мы отправимся одним рейсом, и у поклонников будет возможность увидеть ливерпульскую четвёрку только через автобусные окна. Если, конечно, те не задвинут занавесочки. Надеюсь, не станет всё же легендарный квартет прятаться от своих советских поклонников, хотя бы ручками помахать соизволят.

Своих «серпасто-молоткастых» музыкантов я встретил в фойе, где они уже сидели наготове в обнимку с инструментами. Диана о чём-то трепалась на английском с приставленным к нашей группе и Битлам куратором – мужчиной неприметной внешности с усиками и выбритыми до синевы щеками и подбородком. Отдалённо он напомнил мне Джохара Дудаева. Почему-то мне показалось, что куратор имеет отношение к органам, которые себя предпочитают не афишировать. Прислушавшись, я понял, что наша лидер-гитаристка интересуется стадионом, на котором предстояло выступать сегодня вечером. Мне-то всё недосуг было объяснить, мол, стадион и стадион, 100 тысяч вроде как влезают при желании.

– Как вы, готовы? Пообедать успели?

На мой вопрос все ответили утвердительно. Куратор добавил, что ждём Битлов, они должны спуститься с минуты на минуту.

– А что, кстати, с культурной программой для английских гостей? – по-русски спросил я собеседника. – Нет информации о ней?

– Насколько я знаю, завтра и ваш коллектив, и The Beatles осматривают Третьяковскую картинную галерею, затем намечена экскурсия в Кремль с посещением Оружейной и Грановитой палат, а вечером их ждут на правительственном концерте Дважды краснознамённого академического ансамбля песни и пляски Советской армии имени Александрова, – отчеканил куратор.

– В Оружейной палате, говорите, побывают... А что, дадите Джону Леннону шапку Мономаха примерить? – с самым серьёзным видом поинтересовался я. – А то он мне уже все уши прожужжал об этой шапке.

Куратор, похоже, мою шутку воспринял всерьёз. На его доселе непроницаемом лице появились признаки растерянности.

– Это ценный экспонат, кто же разрешит...

– Ну, нет так нет, – успокоил я его. – Как-нибудь объясню Джону, хотя всё равно расстроится парень. А что, на концерте хора Александрова, раз уж он правительственный, ожидаются высшие лица партии?

– Не имею информации, – нахмурился куратор, вновь включив чекиста.

Хм, думается, в звании он никак не меньше майора, вряд ли капитан или тем более лейтенант так свободно владеют английским, да ещё и удостоились бы чести сопровождать всемирно известный коллектив. Хотя хрен их знает, это же такая контора, там может быть что угодно.

О, а вот и Битлы пожаловали со своим продюсером. Кстати, в следующем году его не станет, умрёт от передоза то ли наркотиков, то ли снотворного. Лучше о его грядущей кончине не думать, всё равно ничего не изменишь. Уже сейчас, когда Битлы решили на какое-то время отказаться от выступлений, у Эпстайна начались затяжные приступы депрессии. Дальше всё будет только хуже, и я всё равно ничем ему помочь не смогу.

А сейчас надо сосредоточиться на предстоящем выступлении. Жаль, что не получилось договориться насчёт Иванова-Крамского и Каширского, я с ними тоже с удовольствием отыграл бы. Ну или хотя бы в качестве зрителей их пригласил. Но первый с семьёй в отпуске на курорте где-то в Карпатах, а у второго гастрольное турне с оркестром по странам социалистического содружества.

Дорога до стадиона не преподнесла особых проблем. Фанаты перед гостиницей слишком поздно сообразили, что за автобус выезжает с внутреннего гостиничного двора, а когда до них дошло и они кинулись было следом, мы уже сворачивали на проезжую часть проспекта Маркса.

Площадь рядом со стадионом к нашему появлению была заставлена изрядным количеством автомобилей, при этом огорожена мобильными металлическими ограждениями, состоящими из секций. Подумалось, что при желании толпа в момент снесёт эту преграду, не помещало бы увеличить число сотрудников органов правопорядка. Но пока народу собралось не так много, и милиции без особого труда удавалось сдерживать отдельных особо рьяных граждан.

Мы прибыли одни из последних, после нас подъехали только Утёсов, чьи музыканты уже были переодеты и настраивали инструменты, да Зыкина. Людмилу Георгиевну сопровождала Фурцева. Об их дружбе в моё время не знал только совсем далёкий от культуры человек, да и сейчас женщины не скрывали свои тёплые отношения. Не знаю уж, что их связывало, на какой почве они сблизились, но факт был налицо.

Для относительно молодых исполнителей сильного пола, в число которых входили Магомаев, Кобзон, Хиль, моя группа и так далее, в качестве гримёрки выделили одно огромное помещение с гримировочными столиками и зеркалами. Для женской части – аналогичную комнату. Отдельных гримёрок удостоились фигуры типа Шульженко, Зыкиной, Гуляева, Утёсова и Рознера, тогда как оркестры двух последних, например, кучковались в общей зале. Здесь же тусили и аккомпаниаторы других выступающих сегодня вечером.

При этом чуть ли не половина дымила кто папиросами, кто сигаретами, но организаторы на это взирали сквозь пальцы. Так что вскоре у меня появилось желание выйти продышаться в коридор, где мимо меня тут же просеменил главный режиссёр фестиваля Иосиф Туманов.

– Только бы не было дождя, – бормотал Иосиф Михайлович. – Только бы не было дождя...

Н-да, дождь нам и в самом деле совершенно ни к чему, хотя вроде синоптики обещали ясную погоду. Стадион не был оборудован ни раздвижной, ни стационарной крышей по примеру многих спортсооружений будущего, так что современным людям приходилось стоически терпеть капризы погоды. Ну да для настоящих фанатов крутой музыки, думаю, даже ливень не помеха. Вон как споро билеты раскупаются!

Как я и предполагал, после того, как по Москве были расклеены новые афиши, к кассам стадиона выстроились километровые очереди, и всего за два часа все оставшиеся билеты – как корова языком слизала. Когда начался ажиотаж, поступила команда продавать не больше пяти билетов в одни руки, но спекулянты и тут сумели урвать свой кусок. И теперь, как мне доложил Миха, в окрестностях стадиона можно было встретить людей, прячущих глаза за тёмными стёклами очков, которые предлагали билет на фестиваль в три, а то и в четыре цены от номинала, составлявшего 5 рублей.

На стадион пока никого не пускали, кроме участников фестиваля, техперсонала и разного рода ответственных лиц. Предстояло опробовать звук, а на поле уже вовсю репетировали дети, участвовавшие в хореографической композиции. Открывавшему фестиваль Эду-

арду Хиллю и его музыкантам пришлось подождать, пока детишки разбегутся, после этого они проверили звук. Техники и звукорежиссёр нам попались отменные, всё уже было отлажено так, что музыкантам оставалось только настроить свои инструменты.

Моей же группе, Битлам, «Апогею» и Адель предстояло выступить во втором отделении, но оно начиналось без антракта с выхода Адель, а значит, не будет возможности опробовать аппаратуру. Однако все мы, включая ливерпульскую четвёрку, также подтянулись до начала концерта, чтобы тоже примериться к звуку.

Когда мы возвращались назад, в подтрибунном коридоре меня нагнал Магомаев.

– Егор, ты представляешь, всю ночь почти не спал, репетировал под фортепиано твою новую песню, – сказал он, моргая воспалёнными то ли от дыма в гримёрке, то ли от недосыпания глазами. – Это же... Не знаю даже, как сказать, но я бы с огромным удовольствием исполнил её сегодня на фестивале. Как жаль, что ты не предложил мне её хотя бы месяцем раньше.

Это он так о Confessa, которую я ему вчера на генеральной репетиции подогнал. У меня там за кулисами параллельно организовался свой конвейер из моих клиентов. Тайком от Туманова приглашал по одному в комнатушку, которую мне любезно выделило руководство ДК, и под аккомпанемент весьма подержанного, но более-менее настроенного рояля знакомил со своими сочинениями. Пришлось всё делать в экспресс-режиме, чтобы не спалиться, предварительно договорившись с администратором Дома культуры, оказавшимся поклонником не просто футбола, но московского «Динамо». На моё счастье, артисты подобрались понятливые, мысль схватывали на лету, управлялись за 10 минут, после чего я вручал им ноты и отправлял восвояси, а сам без лишней шумихи приглашал следующего. Так что генеральная репетиция для меня прошла с двойной выгодой, а для исполнителей моих песен тем более. Недовольных не было, все от меня уходило счастливыми. Согласитесь, что для артиста может быть лучше, чем подаренная ему песня, да ещё обречённая на успех?!

Неудивительно, что с утра пришлось заскочить в ВУОАП зарегистрировать очередную порцию моей творческой отрыжки. В том числе Норе of Deliverance, которую я также тайком презентовал Полу Маккартни. Песня из его будущего, которую он исполнит на четверть века раньше. Пел я ему, правда, под гитару, фортепианные звуки, как мне казалось, не слишком облагораживали данную композицию. Полу вещь понравилась, он с радостью принял ноты, но всё же обещал посоветоваться с парнями. Для сольных альбомов главный мелодист Битлов, похоже, ещё не созрел.

Стрелка неумолимо приближалась к 19 часам, и стадион, по заверениям Туманова, был уже заполнен до отказа. Во всяком случае, открытые для зрителей секторы, кроме того, что находился за сценической площадкой. Здесь, как и на «Уэмбли», сообразили, что незачем публику рассаживать в спину выступающим. Но, в отличие от лондонского шоу, на поле перед сценой зрителей не пускали, его берегли к матчу с французами. Но на заполненных секторах сидели столь плотно, что как раз 100 тысяч туда, по моим ощущениям, и втиснулось.

Хореографическую композицию, которой открывался фестиваль, я не видел, как, впрочем, и большинство участников фестиваля, готовящихся к выступлению в индивидуальных и общих гримуборных. Разве что снаружи доносились отголоски бодрой и жизнеутверждающей музыки.

Ну а затем началось... Артисты выходили на сцену один за другим, но им аплодировали довольно вяло, и всё громче раздавались требования явить народу представителей так называемой «новой волны». То есть Адель, «Апогей», S & H и, само собой, The Beatles. Понятно, что заслуженным и народным такая ситуация не очень нравилась, они возвращались со сцены мрачные, да и мои протеже – Кобзон, Хиль, Магомаев и прочие – не особо радовались приему 100-тысячного стадиона. А Утёсов, шагая по коридору, так и вовсе матерился на чём свет стоит. Я с перепугу предпочёл юркнуть обратно за дверь, чтобы не попадаться ему на глаза. Ведь как ни крути, именно с моей подачи на фестиваль были приглашены коллективы, появ-

ления которых всё неистовее требовала публика. Но это вообще-то вопросы к организаторам. Думать надо было, когда список составляли, соберётся ли на стариков стадион. Хотели, как на «Уэмбли»? Ага, только там выступали представители популярных у молодёжи музыкальных течений. Не исключено, что к старости я стану больше слушать «Тёмную ночь» или «Издалека долго», помню себя престарелым Лозовым, который с бутылочкой пива в руке не без удовольствия смотрел по телевизору выступления звёзд прошлых лет. Но пока я в теле молодого Егора Мальцева, и меня, и моих поклонников привлекает музыка другого плана.

И когда наконец Адель в великолепном тёмно-синем платье с серебряными вставками вышла на сцену, открывая вторую часть концертной программы, стадион буквально взорвался воплями восторженных зрителей.

Я... искала тебя... годами долгими...

– начала Адель под рёв обезумевшей толпы.

Затем исполнила «Не отпускай», в которой мне когда-то пришлось заменить слова «мама Америка» на «снова истерика». После чего, вполне собой довольная, послала толпе воздушный поцелуй и покинула сцену.

– Молодец, ты просто порвала зал... вернее, стадион, – похвалил я сияющую Ольгу, чем вызвал у стоявшей рядом её мамы широкую улыбку.

– Егор, спасибо вам огромное! – прижав руки к груди, выдохнула Нина Константиновна. – Если бы не вы...

Казалось, она сейчас расплечется от переполнявших её эмоций. Понятно, такой аудитории у её дочери никогда не было, а тут ещё на соцстраницы трансляция идёт.

– Ваша дочь – настоящий талант, ей спасибо скажите, – успокоил я маму Ольги-Адель.

Тем временем уже «Апогей» выдал первые аккорды песни *Hard Day's Night*. Весьма в тему, народ как раз отмечал на стадионе вечер трудового дня. Как-никак, многие заявили на фестиваль после работы или учёбы, учитывая, что 1 июня у студентов ещё отнюдь не каникулы. Следом народ – в основном из тех, кто затёр до дыр пластинки «Апогея» – принялся подпевать песням *Can't Buy Me Love* и *Back In The U.S.S.R.* А меня всё это время не покидало чувство, что на сцене работает кавер-группа, исполняющая битловский репертуар.

– Дорогие друзья! – снова стала объявлять ведущая, ещё молоденькая Анна Шатилова. – Дорогие друзья, а теперь на эту сцену поднимется коллектив, чьи песни больше известны в Англии, чем в Советском Союзе. Однако вы их тоже наверняка слышали... Нет-нет, это не *The Beatles*, они обязательно выступят, но чуть позже. Это ансамбль, – она скользнула взглядом в свой листочек, – *Sickle & Hammer*.

Дальше под вопли публики последовало небольшое представление меня, любимого, как автора популярных в стране песен «Шумят хлеба», «Нежность», «С чего начинается Родина» и так далее. Ну и о футбольной ипостаси Шатилова упомянула. Только после окончания этого ликбеза я, мысленно крестясь, пропускаю музыкантов вперёд, напутствуя их шлепком по спине – Диану скорее погладил, – сам же поднимаюсь последним. Энергетической волны с трибун достаточно, чтобы живо вспомнить происходившее прошлой осенью на «Уэмбли».

«Эс энд Эйч!» – скандировали зрители, и я не удержался, чтобы не вызвать у публики новый всплеск эмоций, помахав всем рукой. В том числе занимавшим места в VIP-ложе Шелепину с семейством и Фурцевой с дочерью, которых я неплохо видел со сцены. Там же строился Суслов, вон бровастый Брежнев, рядышком вроде Косыгин, ещё кто-то, наверняка из больших дядек, чьи лица мне были не очень хорошо знакомы. До последнего ведь держали в тайне, приедут или нет члены советского правительства на концерт, более-менее были уверены только в появлении английского посла в СССР. Опять же, всё как на «Уэмбли», только в зеркальном отражении. Разве что королевы у нас нет.

За нашей спиной на тросиках медленно опускаются огромные перекрещенные серп и молот. Без лампочек, но и так нормально.

Ну что, вдарим роком по русскому бездорожью?!

И мы вдарили... I surrender! подпевал, казалось, весь стадион. Затем под то ли спички, то ли зажигалки, как на «Уэмбли», он внимал психоделической Stairway to Heaven. Большинство наверняка не понимали слов, но тут можно и одной музыкой насладиться. Ну и на закуску (как мы тогда думали) All you need is love с духовиками Утёсова, и вновь стадион подпевает, ещё мощнее, чем на I surrender!.

Раскланиваемся, благодарю зрителей, собираемся освобождать сцену для хэдлинеров шоу, и Шатилова уже на низком старте со своей папочкой, но заведённый стадион нас не отпускает, требует продолжения. Мы бы и рады, но регламент...

И тут меня в очередной раз торкнула моя наглая самоуверенность, видно, по наследству от Лозового досталась. Я говорю в микрофон:

– Спасибо всем огромное ещё раз за поддержку! Там, за кулисами, своего выхода ждут парни из The Beatles. Но я думаю, они не обидятся, если мы задержимся на пару минут, чтобы исполнить вам ещё одну недавно написанную песню. Она называется Zombie. Что значит это слово, со временем узнаете, но уверен, вам песня придётся по вкусу.

Стадион, судя по единому воплю, был не против, и я кивнул Диане, приглашая её к центральному микрофону. Эту позаимствованную у The Cranberries вещь мы репетировали аккуратно накануне моего отлёта в Москву, и на прощание я дал участникам своего коллектива задание довести её исполнение до совершенства. Пела Диана так, что её гортанное тремоло в припеве на слове zombie меня приятно удивило. Сделала по моей просьбе всё так, как было в оригинале у Долорес О’Риордан. Помню, закрыв глаза, я вообще не нашёл никаких отличий, опираясь на свои слуховые воспоминания. Н-да, повезло мне с моими музыкантами. Басист голосит что есть мочи, и лидер-гитаристка не отстаёт. Может, нам замутить что-нибудь типа Bohemian Rhapsody с многоголосьем? То-то поклонники удивятся очередному нашему закидону.

А между тем Диана закончила первый куплет о бомбах и прочей хрени и начала куплет о засевших в головах зомби. В груди малость поджало – а ну как не вытянет со своим тремоло, налажает... Но нет, молодцом девочка! Народ вдохновился, и последний припев уже подпевал весь стадион:

Zo-o-mbie, zo-o-mbie, zo-o-mbie-e-e-e...

Сыграв заключительный аккорд, решительно прощаюсь со зрителями и даю своим команду валить со сцены. А то и в самом деле перед Битлами неудобно, заставили хэдлинеров ждать. Хотя Джон вон показывает большой палец, видно, песня ему тоже понравилась.

– Егор Дмитриевич, вы что же делаете?! – заламывая руки, встретил меня Туманов. – Вы же весь график нам рушите, у нас же всё было расписано минута в минуту!..

– Да что ж вы так переживаете, Иосиф Михайлович, сами видели, как народ нас отпускать не хотел, уж одна песня погоды не сделает.

– Не сделает... Эта песня, между прочим, не была утверждена комиссией, кто знает, о чём вы там на английском пели!

– За мир, против войны, если в общих чертах, – успокоил я ответственного товарища.

Не объяснять же ему, что песня призывает забыть о событиях 1916 года, когда в Дублине произошло кровавое «Пасхальное восстание», ставшее для Великобритании ударом в спину на фоне войны с Германией. Композиция предлагала порвать с политизированным прошлым, а боевики ИРА как раз и фигурируют как зомби.

Чувствую, у компетентных органов ко мне ещё появятся вопросы по поводу песни, не утверждённой худсоветом. Как же, прозвучала в прямом эфире не только на весь Союз, но и на страны социалистического содружества. Да ещё в присутствии первых лиц партии. Хочется верить, что моё имя уже кое-что значит, и этот косяк не вызовет цунами репрессий в адрес и меня, и моих ребят.

– Hello, Moscow! – крикнул в микрофон Джон, и стадион отозвался рёвом сотни тысяч глоток. – Thanks to our great friend Egor Maltseff that invited us here...

В общем, Леннон выразил мне благодарность за приглашение на этот фестиваль, после чего на стадионе начало твориться форменное безумие. Если мы как следует завели народ, то Битлы просто-напросто снимали сливки. VIP-ложа – за исключением британского посла – синхронно морщилась, но выжимала из себя дипломатические улыбки.

Невольно подумалось, что, сколько у Битлов песен ни воруй, а всё равно популярности хоть отбавляй. Талант всегда пробьётся к свету, а уж в гениальности этой четвёрки (как минимум Джона и Пола) сомневаться не приходилось.

The Beatles нас переплюнули. Они помимо четырёх заявленных песен раздухарились ещё на три с последнего альбома, просто-таки наплевав на договорённость с приглашающей стороной. На Туманова, метавшегося за сценой, больно было смотреть, он только что не рвал на голове остатки волос. Ох, и не завидую Михаилу Иосифовичу, ох, не завидую! Хорошо хоть, не сталинские времена, к стенке не поставят. Хотя само проведение такого мероприятия при Вожде было бы под большим вопросом.

Ну всё, вроде бы финиш. Застоявшиеся в стойлах пионеры выскочили на поле, демонстрируя прощальную хореографическую композицию. С трибуны, конечно, смотреть удобнее, но я и отсюда видел, что детишки выстраиваются в буквы, и на поле появляются слова «Мир», «Дружба», «СССР», «Африка»... А в финале в небо взмыли сотни белых голубей, как символ мира. Где уж они отыскивали столько?.. Может, обычных покрасили?

Сразу разбежаться нам не дали. Дождались в подтрибунном помещении визита товарищей Шелепина, Суслова и Фурцевой. Остальные «небожители», видимо, не снизошли до визита к артистам, либо их просто не пригласили. Зато была охрана в количестве двух человек и переводчик, который переводил для англичан слова Шелепина.

– Спасибо всем, было очень здорово, – сказал Александр Николаевич. – Особенную благодарность выражаю нашим зарубежным гостям, которые согласились на перелёт и выступление перед советской публикой. Завтра, насколько я знаю, вас ждёт культурная программа. Надеюсь, вы покинете столицу Советского Союза с самыми тёплыми воспоминаниями.

Вскоре представительная делегация покинула помещение, но Фурцева задержалась и попросила меня отойти в сторону.

– Товарищ Мальцев, это что за самоуправство?! – громко прошептала она.

– Вы о чём, Екатерина Алексеевна? – с самым невинным видом поинтересовался я.

– О чём?! Да о том, что вы спели не утверждённую комиссией песню!

– Ах, об этом... Ну, спели, так что с того, народ требовал от нас ещё песен, мы и исполнили свежую вещь. The Beatles вон больше нашего вне программы спели. Разве кому-то от этого плохо?

– Как бы вам, Егор Дмитриевич, не стало плохо. Я это дело так просто не оставлю. – И помчалась догонять Шелепина со свитой.

А у меня на душе тут же начали поскрёбывать кошки. Может, стоило ей напомнить о поведении дочери, не красящем советскую женщину? Или это прозвучало бы низко?.. Ну да, с Фурцевой-младшей мы никаких договоров относительно неразглашения её попытки суицида не заключали, однако это подразумевалось само собой, этакое негласное джентльменское соглашение. Но если министерша начнёт мне делать пакости, то в конце концов я имею право достать свой туз из рукава...

Ха, а с другой стороны, если её дочурка начнёт отпираться? Мол, ничего такого не было. Да, видели меня бабушки на лавочке, заходила в подъезд, выходила, но мало ли зачем я ходила туда? И что моё слово, или Ленки, против слова дочери министра культуры СССР? Даже при всей моей нынешней известности! Хочется верить, что Екатерина Алексеевна не станет слишком уж затягивать гайки, ограничившись пустой угрозой. Но, блин, что-то мне подсказывало: она слова на ветер не бросает. Ладно, посмотрим, куда кривая выведет.

О Фурцевой я думал и по пути в «Арагви», что не укрылось от супруги. Мы с ней и Ольгой сидели на заднем сиденье такси, Муха расположился рядом с водителем. Девушки бурно обсуждали фестиваль, и мне и моей группе досталось комплиментов даже больше, чем Битлам. Но Ленка между делом шепнула мне на ухо:

– Ёжик, ты чего такой хмурый?

– Хмурый? А, да это рабочий момент...

– Расскажи, всё равно не отстану.

– Да Фурцева втык дала за лишнюю песню, вроде как не согласовали, а исполняете.

Ерунда, подуется и забудет.

Лисёнка мои последние слова успокоили, а вот мне было тревожно. Только когда мы сели за столик в «Арагви», я немного расслабился. Тут ещё Аркадий подошёл пожать мне руку, с остальными же музыкантами мы обменялись приветствием на расстоянии. Из нашего относительно тихого закутка сцена просматривалась неплохо. А грузинская свадьба в большом зале действительно не особо мешала.

Там произносились тосты за здоровье молодых – довольно носатого парня чисто кавказской внешности и вполне симпатичной, но тоже чернявенькой девушки. Понятно, в это время простые грузины главный зал в таком ресторане на вечер не снимут, тут гуляют либо цеховики, либо грузинская партэлита. Не Шеварднадзе, часом? Хотя вряд ли, он к этому времени вроде бы уже женился, а дети ещё маленькие, им об оценках в школе нужно думать, а не о свадьбах.

– Что будете заказывать? – приветливо улыбнулась грудастая официантка, явно рассчитывая сегодня на неплохие чаевые. От грузин как минимум, ну и мы не поскупимся, если обслуживание будет на уровне.

Мы выбрали классическую кавказскую кухню из нескольких мясных блюд, овощей, минеральную воду и вино – по бутылке красного и белого. Я сразу предупредил, что утром у меня общекорпоративное собрание, поэтому засиживаться до двух ночи точно не будем, и к тому же могу только пригубить и исключительно вина, а остальным предложил не стесняться.

– Может, коньяку тебе или водки? – предложил я Мухе.

– Не, я уж со всеми винца хлебну, – снова засмутился тот.

Первый раз он смутился, когда я заранее сказал, что сегодня вечером угощаю. Ну не брать же мне с него и Ольги денег, в самом деле! Пусть помощник машиниста неплохо зарабатывает, но сегодня мой праздник, поэтому и банкет за мой счёт.

Между тем на сцене Аркадий и компания играли не что-нибудь, а «Чито Грито», которую я им в своё время и подсунул. При этом Аркаша ещё подмигнул мне, мол, помню, чей опус. Правда, работали «инструменталку» не очень громко, чтобы не мешать тостующим. Те больше шумели на своём языке, а мы вели свои беседы, вспоминали прошлое, я рассказывал о жизни в Англии, естественно умалчивая о некоторых своих похождениях, касающихся Хелен Миррен.

Всё-таки даже пара бокалов вина даёт о себе знать. Иначе почему бы я вдруг начал признаваться Ленке в любви? А в итоге признание закончилось походом к сцене, где я попросил Аркадия разрешить мне исполнить песню, посвящённую моей любимой супруге. Тот переглянулся с музыкантами, те синхронно пожали плечами, как бы намекая: ты начальник – тебе и решать.

– Ладно, уговорил, – махнул рукой Аркадий. – Что хоть за песня, мы её знаем? А то могли бы подыграть...

– Нет, песня новая, но подыграть можете. Вам, самое главное, нужно держать ритм.

Я принялся щёлкать пальцами, показывая, как именно этот ритм держится. Ребята ухватили его на лету, тоже начав щёлкать и притопывать.

– Ещё можно на басу изредка подыгрывать. Мелодия несложная, разберётесь. А я, с вашего позволения, позаимствую у вас гитару, – обратился я к гитаристу ресторанного коллектива и забрал у него инструмент из серии Hofner Club.

Ты с высоты, красоты своей меня не замечаешь...

Вообще я давно подумывал, что не мешало бы позаимствовать репертуар группы «Браво», по стилистике этот как раз бит 1950-60-х. Может, и надо было «Апогею» сразу предложить эти вещи, но сложилось так, что я лепил из них копию The Beatles.

Песню я пел, не сводя влюблённых глаз с Ленки, а та просто сияла от счастья. Музыканты ладно поддерживали такт, басист и барабанщик деликатно держали ритм. Грузины тоже синхронно хлопали в ладоши, отвлёкшись на мою персону. Всё-таки нация на редкость музыкальная, уж ритм им выдержать – как два пальца...

Допел, не успел вернуть гитару её обладателю, как к сцене подкатился тучный грузин, большой мясистый нос которого занимал добрую часть лица.

– Брат, хорошо поёшь! – махал колобок руками, словно мельница крыльями. – А можешь спеть что-нибудь... Э-э-э...

– Ритмическое? – подсказал я, вспоминая сцену из фильма «Вокзал для двоих».

– Вот, точно! – подпрыгнул колобок и сунул мне в карман пиджака 50-рублёвую купюру. – Давай ритмическое, что-нибудь наше.

– Может, «Лезгинку»? – предложил саксофонист.

– У меня есть вариант поинтереснее... Дорогой, три минуты – и заказ будет исполнен, – отослал я грузина, а сам повернулся к баянисту: – Вас как зовут?

– Владимир Палыч...

– Так вот, Владимир Палыч, позвольте ваш баян, мне придётся сыграть основную тему. Ваше дело – всех остальных – подхватить ритм. В вашем профессионализме я не сомневаюсь.

Я повернулся лицом к залу и в микрофон объявил:

– А сейчас по просьбе нашего многоуважаемого друга из солнечной Грузии мы исполним для молодых песню «Чёрные глаза».

Ну и понеслось под баян:

Белый снег сияет светом.

Чёрные глаза.

Осень обернётся летом.

Чёрные глаза.

Околдован я тобою,

Чёрные глаза.

Ослепили меня глазки,

Чёрные глаза...

Пошлятина, конечно, та ещё, но ресторан – это территория своеобразной музыки, а «Чёрные глаза» к данной ситуации подходят как нельзя лучше. И неудивительно, что уже на первом припеве почти все гости дружно отплясывали. А когда я закончил, грянул призыв исполнить ещё раз. После третьего исполнения я сказал, что хватит, хорошего понемногу. Да и то, время уже первый час ночи, а в 10 утра мне нужно быть на командном собрании в Федерации футбола СССР.

Пообещав Аркадию подкинуть при случае текст и ноты прозвучавших сегодня двух моих новых песен, я предложил своим понемногу закругляться.

– Нет, если вы, Витёк, хотите ещё посидеть – бога ради, – сказал я Мухе. – Вот только жену с вами не оставлю, она мне самому пригодится этой ночью.

В общем, решили, что сматываемся все вместе, хотя Муха и правда мог задержаться. У него завтра была вторая смена, а Ольга заранее взяла отгул на работе за то, что приходилось работать сверхурочно. Да и я бы им денег оставил с запасом, чтобы в случае чего могли за всё расплатиться. Но всё же выбрали вариант массового бегства, естественно, с солидными чаевыми – пять десятирублёвых купюр я сунул в передник грудастой официантки. Такси постоянно дежурило возле «Арагви», так что с транспортом проблемы тоже не возникло. А спустя час с небольшим, отдав друг другу супружеский долг и заведя будильник на 8 утра, мы уже сопели на нашем брачном ложе.

Глава 5

Собрание ничем примечательным не запомнилось, обычная накачка, взывание к совести коммунистов и комсомольцев, которым предстоит защищать честь Родины на футбольном поле. Кто-то ляпнул о втором Бородино, но присутствовавший на собрании Ряшенцев тут же осадил остряка. И добавил, чтобы во время игры или вообще при французах следили за своим языком. Мало ли, вдруг кто-то русский знает, те же французские корреспонденты вполне могут по-нашему разуместь, не хватало нам ещё международного скандала. Присутствующие закивали, мол, не поспоришь, все будем фильтровать базар.

Скучно, все эти наставления так набили оскомину, что хотелось откровенно спать. Просто я элементарно не выспался. Знал, что моя Ленка жаворонок, но не думал, что уже в 7 утра на кухне начнут греметь сковородки и кастрюли – любимая затеяла блинчики. Так-то правильно, супруг блинов, если честно, не едал целую вечность, а тут ещё с вишнёвым вареньем, со сметаной... М-м-м, вкуснятина!

Но своё я всё же недоспал, и сейчас мои нервные рецепторы всячески требовали погружения в дрему. Хоть бы руки чем занять... Жаль, что ещё не изобрели кубик Рубика, покрутил бы – никто и не заметил бы, ведь передо мной сидит высоченный Шестернёв, дай бог одна моя макушка виднеется сидящим в президиуме. Хотя на самом-то деле это сегодня Шестернёв считается высоким, а так-то всего 183 см. О вратарях Банникове и Кавазашвили и вовсе говорить стыдно – 179 и 176 см соответственно. По меркам будущего просто курам на смех. Яшин с его 185 сантиметрами на их фоне смотрится великаном. Но Иваныча не было, тренеры решили посмотреть в воротах ближайший резерв. Помню, что в моей реальности эта игра завершилась со счётом 3:3 и как тот же Банников был осыпан критическими стрелами. Посмотрим, как в этот раз.

Блин, да что ж так спать-то хочется! Может, мне действительно до кучи ещё и кубик Рубика изобрести? Ну а что, его устройство я помню, как-то с мужиками из моей группы году эдак в 1986-м из интереса разобрали головоломку. Это потом уже в журналах и Интернете чертежи появились, а мы сами тогда допетрили.

– В общем, все, надеюсь, всё поняли, – вывел меня из забытья голос Морозова. – Сегодня вечером тренировка на «Динамо», не забудьте. И тебя, Мальцев, тоже касается. Давай уже, втягивайся в процесс.

До вечера, а именно до 18 часов, оставалось времени ещё достаточно, и я подумал, что удастся выспаться. Хотя если Ленка сейчас привезёт от родителей сына, а тот подымет ор, то даже с закрытой дверью отдохнуть не удастся.

Лисёнка ещё не было, и не успел я скинуть ботинки, как раздался звонок телефона. Звонила супруга, сообщавшая, что до вечера задержится у предков, если я ничего не имею против. Я ничего против не имел, и мне было предложено отдохнуть в одиночестве. Однако, как назло, сон не шёл. Измаявшись на влажной простыне (блин, вентилятор, что ли, купить, раз с кондиционерами пока беда), я не выдержал и сел рисовать карандашом схему устройства кубика Рубика. Хм, так ведь, если дело выгорит, его назовут кубиком Мальцева. А венгерскому инженеру останется только сочинять другие варианты головоломки типа треугольников и змеек, если только его не опередят наши рукоделы.

На схему ушло около получаса, после чего я задумался, что с ней делать дальше. Нести на завод? На какой? Это же ведь нужно сначала утверждать в каком-нибудь министерстве. Ещё скажут, что стране нужны ракеты и комбайны, а не игрушки, и отправят восвояси с этим чертежом.

А если показать им готовый вариант? Это было бы здорово, но как и из чего мне его сделать? Пластик? Своими руками? Крайне маловероятно. Дерево? Вот это уже теплее. Но тут

нужна хотя бы небольшая столярная мастерская. А лучше со столяром в придачу, желательно сметливым и рукастым. Где найти такого Левшу?

Эх, опять жаль, что нет Интернета. Так бы вбил вопрос – и на тебе готовый ответ, только денежку отслюнявливай. Ну, отслюнявить я и так смогу, ежели мастер стоящий, да ещё учитыва перспективу изделия. Скажем, руб лей 200 за глаза хватит при изготовлении опытного образца. А после этого сразу за патентом, а то, чего доброго, столяр окажется человеком разговорчивым, разболтает кому-нибудь устройство чудо-игрушки, да и сам вторую смастерит, третью...

Короче, вопрос с поиском деревянных дел мастера я решил отложить на потом, вернувшись к нему при случае. А пока надо бы уложить в спортивную сумку тренировочную форму, выданную мне ещё перед фестивалем. Она уже лежала, бережно отглаженная женой, на полке в шкафу. Треники и толстовка на случай холодной погоды, шорты и майка – на сегодняшний вариант небесной канцелярии. Их и возьмём. И бутсы не забыть. Кожаные, практически новые, смазанные гуталином для придания эластичности. Ретро, так сказать.

На тренировке подумалось, что сейчас мои ребята и Битлы уже сидят на концерте хора Александрова, возможно, даже в одной ложе вместе с Шелепиным. Если, конечно, тот соизволил посетить мероприятие. Что-то мне подсказывало, что соизволил.

А 3 июня я провожал в Шереметьево своих музыкантов, а заодно Джона, Пола, Джорджа и Ринго, летевших с участниками группы S & H одним рейсом. Меня, как человека, имевшего непосредственное отношение к фестивалю, допустили чуть ли не к трапу.

– Егор, передай благодарность организаторам нашего культурного досуга, – усмехнулся Джон. – Впечатления незабываемые. Нет, серьёзно, хор мы послушали с удовольствием, верно, парни? – Он обернулся к своим товарищам, те закивали, соглашаясь. – А банкет... Я в жизни не ел столько чёрной икры, – расплылся в улыбке Леннон.

Нормально, банкет ещё был, оказывается, а меня даже не предупредили, не пригласили. Или только для иностранцев? Скорее всего, так и есть.

– Джентльмены, пора, – поторопил музыкантов куратор с усиками, неодобрительно покосившись в мою сторону. – А то вон стюардесса волнуется.

Обнявшись со всеми ещё раз, напоследок прошу своих ребят почаще собираться и повторять пройденный материал, не забывая творить самим. В новый альбом уже по-любому должны войти две их вещи: одна была написана Люком в соавторстве с Юджином (текст + музыка), вторая Дианой, которая раздухарилась и на музыку, и на текст. Если басист и скрипач написали что-то вроде лирической баллады, где скрипка шла почти всю песню фоном, то у нашей гитаристки получилась довольно ритмичная вещь с жёсткими риффами, ближе к хард-року.

Нет-нет, да и я подумывал, не сочинить ли и мне что-нибудь новенькое, а то тырить ещё ненаписанные хиты казалось таким пошлым занятием... И кстати, одна неплохая мелодия у меня уже наигрывалась в голове, нужно по прибытии домой записать ноты. А там уже и текстом можно заняться, что-нибудь психоделическое, чтобы заумно и непонятно, а оттого кажущееся офигенно продвинутым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.